

ЗИНА КУЗНЕЦОВА

175 ДНЕЙ НА СЧАСТЬЕ

Зина Кузнецова
175 дней на счастье
Серия «Young Adult.
Инстахит. Романтика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69338992

З. Кузнецова. 175 дней на счастье: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2023

ISBN 978-5-04-188563-2

Аннотация

Новинка от автора «36 вопросов, чтобы влюбиться» и «Майское лето» Зины Кузнецовой.

Бонус к основному роману «175 дней на счастье» – повесть «Романтическое воспитание».

Иллюстрация на обложку нарисовала популярная художница Markass!

В средней общеобразовательной школе № 3 никогда не происходит ничего особенного: ученики не блистают талантами, гениев и призеров Всероссийских олимпиад среди выпускников нет.

Все живут своей тихой обычной жизнью, пока в школу из-за серьезного проступка не переводят новенькую.

Шестнадцатилетняя Леля, дерзкая, колючая, выглядит для местных чудно, и на ее эксцентричное поведение одноклассники не обращают внимания.

Но все меняется, как только директор объявляет, что старшеклассникам нужно обязательно поставить спектакль.

И главную роль неожиданно для всех получает именно Леля.

Чем же обернется эта авантюра?

«Роман, который хочется сравнить с уютным теплым пледом. Возможно ли отыскать свое счастье всего за 175 дней? Получится ли за такой короткий срок наладить отношения с родителями и обрести верных друзей?»

По-настоящему комфортная история о взрослении и первой любви дает ответы на эти вопросы и очаровывает читателей с первых страниц». – Даша, автор телеграм-канала «Фэйри для мытья посуды»

Содержание

Жар-птица

6

Конец ознакомительного фрагмента.

105

Зина Кузнецова

175 дней на счастье

© Кузнецова З., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Волны крутые, штормы седые –
Доля такая у кораблей.
Судьбы их тоже чем-то похожи,
Чем-то похожи на судьбы людей.
Детская песня*

Жар-птица

1

Средняя общеобразовательная школа № 3 считалась нормальной. Талантами не блистала, не выпускала гениев, не готовила ко Всероссийским олимпиадам, и средний балл на экзаменах у ее учеников с трудом переваливал за семьдесят из ста. Но и ничего особенно плохого нельзя было сказать о ней: недавно сделан ремонт, из-за которого новый директор дошел до самых верхов, чтобы на это выделили деньги; все преподавательские ставки заняты, и учителя знают свое дело; отменили дежурства в столовых и коридорах ради улучшения качества знаний; устраивали вечеринки по праздникам для школьников и раз в полгода всех вывозили в театр.

Дети здесь учились нормальные, самые обыкновенные. Городок был совсем небольшим, работу жителям давал в основном завод (только благодаря ему город и образовался два века назад), поэтому в периоды частых родительских собраний в чатах только и видно было: «У меня два через два смена, давайте в другой день» и «Раньше шести уйти не смогу, на проходной нужно отметиться». Сами школьники – те, кто мыслями уже давно осел в городе, – смотрели на красно-се-

рые дымящие трубы завода с четким пониманием, что их будущее там: в этом надежном, жарком и всегда нужном государству месте. А те, кто с детства признал, что горячие цеха не привлекают их, изо всех сил учили предметы, которые будут сдавать на экзамене, чтобы поскорее уехать прочь и не чувствовать за своей спиной суровый, как у рабовладельца, взгляд этих дымящих, толстых, круглых труб.

Ничего в школе страшного (или интересного) не произошло, ни с кем ничего плохого (или интересного) не случилось, и каждый день был серой, темно-туманной, как небо над заводом, копией предыдущего. И, когда в ворота школы въехал большой внедорожник на мощных колесах, которые, казалось, могут смять ступени, если машина на них заедет, все школьники и учителя с интересом посмотрели на автомобиль. Таких в их городке почти не водилось. Ну, может, у владельца супермаркета, который, как и завод, давал многим жителям рабочие места.

Дверь внедорожника открылась и хлопнула, закрывшись. Из машины выпрыгнула девочка лет шестнадцати, но выглядела она, по мнению собравшихся, чудно. В начале ноября в легких черных колготках в – прости господи! – сеточку! На ногах черные берцы, потом где-то сильно выше колен начиналась юбка, еще выше – тонкая водолазка и короткая незастегнутая куртка. Ни шапки, ни варежек. А еще ржаные длинные, до лопаток, пышные волосы и сумасшедший, по мнению всех собравшихся в школьном дворе, макияж с си-

ними стрелками и блестками.

Потом из автомобиля вышел высокий мужчина в черном пальто. Учительницы с особенным интересом оглядели его серьезное лицо, полностью состоявшее из приятных черт, разве что слишком очевидно были напряжены челюсти и сжаты губы. Вдруг чья-то мама, работавшая на заводе в офисе управления, сказала другой маме: «Да это же Андрей Петрович – наш новый директор... Помните, Сергея Михалыча же того... за присвоение госденег уволили». Так по двору и разнеслось негромкое эхо: «Новый директор... Новый директор...»

– Доброе утро, Андрей Петрович! – сказала та мама, которая работала в офисе управления.

Андрей Петрович растерянно посмотрел в толпу, не узнавая никого, и кивнул из вежливости.

Все более пристально оглядели девочку рядом с ним. Дочь, что ли? Да разве такие у директоров дочери? Где благородство, интеллигентность?.. И колготки эти, опять же, в сеточку!

– Пойдем, – сказал Андрей Петрович девочке и направился в здание школы.

Девочка будто заупрямилась: открыла дверь машины и как-то особенно сильно захлопнула ее снова. Андрей Петрович на шум не обернулся. Девочка с досадой оглядела двор, вздрогнула, когда поняла, что на нее все смотрят и видят без маски равнодушия, и тут же, сделав непроницаемое лицо,

направилась следом за отцом.

Андрей Петрович шел быстро и пересек вытянутый школьный двор почти за минуту. Его дочь Леля, казалось, ценой невероятных усилий переставляет ноги. Расстояние между ними увеличивалось и увеличивалось, потом Андрей Петрович скрылся в здании школы, а Леля остановилась и достала телефон (наблюдатели отметили, что это последняя модель айфона), что-то прочитала, быстро отправила сообщение и, все еще глядя в экран, начала подниматься по школьному крыльцу. Вдруг послышался глухой удар.

– Ой!

Леля вскинула голову и увидела, как миниатюрная девочка, по виду ее ровесница, присела, чтобы поднять упавшую толстую книгу. Когда девочка посмотрела на нее, Лелю поразили светло-серые глаза, которые сияли, словно две большие луны летом на прозрачном небе. Девочка эта стояла в окружении нескольких ребят, видимо, одноклассников.

– Ничего страшного, все в порядке, – улыбнулась она и поднялась, крепко прижимая книгу к себе. Леля заметила, что это «Братья Карамазовы» Достоевского.

Леля неопределенно махнула головой и хотела пройти дальше, когда путь ей, скрестив руки на груди, преградила невысокая смуглая и черноволосая девушка. Над верхней пухлой бархатно-розовой губой у нее виднелся темный пушок. Леля сначала хотела мысленно скривиться, а потом оглядела девушку еще раз, и такой гармоничной и исчерпы-

вающей показалась Леле ее внешность, что пушок над губой, поняла она, украшает смуглянку даже больше, чем длинные густые волосы.

– Извинись перед Сонечкой, – сказала девушка строго.

Леля не сразу поняла, чего от нее хотят. Погруженная в свои мысли, она еле поняла, о чем речь.

– Не буду, – наконец сказала Леля, собравшись с мыслями.

– Извинись!

– Не будет стоять на проходе – избежит толчков.

Леля собиралась обойти девушку, но та не дала, расставив руки в стороны. Захотелось смеяться. Леля вдруг четко поняла, что, когда утром не хотела ехать в новую школу и имела плохое предчувствие, примерно чего-то такого – глупого, но безнадежно конфликтного – и ожидала.

– Маш, не надо, – попросила Сонечка, – не нужно ссориться.

– Я не ссорилась бы, если бы она вела себя по-человечески.

– Да отвалите вы уже, боже мой! – Леля грубо толкнула Машу плечом и прошла.

– Охренеть, – услышала она позади себя. – Ну что за дрянь! Нет, вы видели?! Кто это вообще, кстати?

Леля раздраженно вздохнула. Снова все получилось не так: неправильно, гадко, некрасиво. Почему у нее вечно так выходит? С какими бы добрыми намерениями, с какими бы

правильными мыслями она ни старалась подступить к делу, все выходило шиворот-навыворот. И будто для того, чтобы лишить этот день любого положительного финала, в школьных дверях Леля, идущая от раздражения быстро, налетела на выходявшего парня.

– Извини, – сказал он. Его левую бровь пересекал белый шрам, что делало его похожим на бравого пирата или разбойника.

Леля ничего не ответила – быстро прошла дальше, случайно задев его плечом. Хотела извиниться, но что-то помешало, удержало. Леля и сама не могла толком объяснить, почему она всегда предпочитала пойти на конфликт, сделать что-то в пику. Пару лет назад она придумала образ для гаденького чувства вредности, сидящего внутри: маленький противный рыжий клоун с уродливо разрисованным красно-белым лицом дергал в своих руках самые толстые нити, отвечающие за ее поведение, и каждый раз визгливо похихикивал от удовольствия, когда Леля, поддаваясь его манипуляциям, грубила и вредничала.

Вот и сейчас, увидев, что жертва готова произнести слова извинения, клоун схватился за толстые нити и с силой потянул на себя. И вместо «Да ничего, и ты извини» Леля бросила парню:

– Идиот!

Она тут же пожалела об этом, но из гордости не стала исправлять ситуацию и подошла к отцу, который ждал ее у

стойки охраны.

– Нам на второй этаж к директору, – сказал он.

Клоун снова было потянул на себя нити – Леле захотелось затопать ногами и сделать что-то противное, из-за чего папа обязательно рассердился бы на нее, но сдержалась. Было стыдно действовать так на глазах у всей школы.

2

В кабинете директора пахло кофе. Не таким, какой делают в дорогих кофейнях, а самым обычным, растворимым. На деревянном столе даже стояла невымытая кружка.

Кабинет был небольшим, с одним окном под потолком, заставленным стеллажами с папками и книгами. Места хватило только на рабочий стол и два кресла напротив.

Директор, низенький мужчина лет шестидесяти, встал навстречу Леле и Андрею Петровичу. Леля удивилась, увидев на нем джинсы, а не брюки. В ее прошлой школе директор ходил в костюме-тройке и требовал такой же аккуратности и изящества в одежде от других. Как-то Леля даже видела, что он отчитал свою секретаршу за то, что та была в кедах, а не в туфлях на каблуке. В общем-то из-за подобных требований у Лели и сложились с тем директором не самые приятные отношения: носить школьную форму она наотрез отказывалась и делать менее яркий макияж тоже.

– Доброе утро! Я Сергей Никитич, – директор торопливо

пожал руку отцу Лели. Но торопливо не потому, что хотел польстить большому начальнику, скорее деловитость и торопливость – его естественное поведение. Он дошел до своего рабочего места и сказал: – Проходите, садитесь. Прошу прощения за эту коморку, тут раньше ютилась бухгалтерия, а я решил, ну зачем мне двадцать квадратов одному, пусть люди там сидят, а я и тут спокойно смогу... Слушаю вас! – спохватился он. – Простите, юная леди, как вас зовут?

– Леля.

– Ольга, значит.

– Нет, Леля.

– Так чем могу помочь? С каким вы вопросом?

– Мы недавно вернулись сюда после трех лет жизни в Москве, – сказал Андрей Петрович.

– Да вы что! – обрадовался директор. – И как вам?.. Простите, продолжайте.

– И моей дочери нужна школа.

– Образование – это прекрасно! В каком вы классе, Леля?

– Окончила девятый, сейчас должна быть в десятом, – отозвалась она вежливо, тем самым благодаря директора за то, что он не проигнорировал ее просьбу относительно формы имени.

– У нас есть место в десятом. На самом деле у нас их много. После ОГЭ многие ушли в колледж, чтобы потом на заводе работать. Так что учитесь на здоровье, Леля, учитесь! Документы у вас с собой? Паспорт, свидетельство, аттестат об

основном общем образовании? Прекрасно! Можете оформиться сразу, акты готовятся в течение трех дней, но это не проблема. Можете, Леля, хоть завтра уже с новыми силами на научный фронт... Разрешите, я пролистаю личное дело?

Андрей Петрович отдал директору весь пакет документов.

– Только я должен вас предупредить, – сказал он, – что Леля человек сложный. И трудностей в прошлой школе избежать не удалось, поэтому два месяца учебного года она училась в другой школе в Москве. Это все есть в личном деле.

Директор кивал, слушая Андрея Петровича, и одновременно пролистывал бумаги. Прочитав последнюю страницу, он удивленно посмотрел на Лелю. Ей даже показалось, что в его взгляде мелькнул интерес:

– Устроила пожар в кабинете?

– Я не устраивала пожар, – сказала Леля.

– Да? А тут так написано, – возразил директор.

– Ерунда написана.

– Леля! – одернул ее отец.

– Вы знаете, Леля, я очень не люблю, когда дети врут, – сказал директор, – очень не люблю. Это хуже всего. Когда ребенок врёт, он отрицает свою ответственность. А это плохо потом в жизни аукнется и откликнется. Так, ладно... На учет в комиссию по делам несовершеннолетних вас не поставили после такого?

– Пришли к договоренности, что, если полгода Леля не будет нарушать никаких законов, запись о постановке на

учет будет удалена из базы данных, – строго сказал Андрей Петрович, недовольный тем, что об этой неприятности так долго ведется разговор.

– Это хорошо. Зачем ребенку заранее жизнь ярлыками портить, да? И сколько вы, Леля, уже держитесь без нарушения законов?

– Пять месяцев.

– Желаю вам с тем же успехом продолжать в нашей школе. Я вас возьму, – сказал директор. – Андрей Петрович, к секретарю моему подойдите, она вам все расскажет и проводит, чтобы вы зачисление оформили. Если хотите, Леля, можете сейчас пойти посмотреть расписание десятого класса (он у нас один) и познакомиться с ребятами.

Леля и Андрей Петрович попрощались с директором.

– Я сейчас отдам документы. Ты пойдешь к одноклассникам? – спросил Лелю отец.

– Нет, – ответила она, – дай ключи от машины!

– Иди познакомься.

– Я не хочу.

– Как знаешь, – бросил отец и последовал за секретарем. Ключи он не дал, поэтому Леля вышла на улицу и, обдуваемая ноябрьским пронизывающим ветром, встала около внедорожника. К ее счастью, лестничная компания, как она прозвала ребят, сидящих на крыльце, уже ушла на уроки.

Завибрировал телефон. Трясущимися от холода руками Леля достала его из кармана куртки.

Мама писала: «Лелька, оцени черный пляж. Камчатка – красота!»

А дальше фотографий пять самых разных: и селфи, и просто пейзажи...

Леля отправила огненный смайлик в ответ и хотела уже написать маме, что переживает из-за перехода в новую школу; что уже, кажется, успела поссориться с одноклассниками; что у нее сегодня с самого утра сильно болит голова, наверное, снова будет приступ мигрени, и как она с леденящим ужасом ждет этой невыносимой боли в висках и во лбу. Вдруг она подумала, что мама разозлится из-за того, что Леля скидывает на нее свои проблемы, мешая ей наслаждаться путешествием, и убрала телефон в карман.

3

После школы Андрей Петрович завез Лелю домой и, не сказав ей ни слова, уехал на работу. Новое назначение застало его врасплох, и он, пусть и уверенный в своих силах и опыте, все же не мог легко отнестись к ответственности, легшей на его плечи, и днями напролет сидел в кабинете, вникая в тонкости производства. Все к лучшему, считал он. Брак развалился, дочь явно не желает проводить с ним время. А так... хоть где-то полезен и важен.

Леля дома, не церемонясь, раскидала стянутые кое-как с ног берцы, бросила куртку на перилах лестницы, уже у себя в

комнате стянула водолазку, затем юбку и в одних колготках и топе улеглась на постель. Страшно ныли виски и лоб, будто в голову поместили воздушный шар и надували его, надували, а он упирался в череп изнутри и давил, давил...

Неплотно закрытая дверь в комнату со скрипом приоткрылась, и большой старый сенбернар Филя медленно подошел к кровати. Не открывая глаз, Леля свесила руку, и Филя подsunул под нее пушистую голову. Леля нашла в себе силы повернуться, открыть глаза, хоть дневной свет и вызывал тошноту, и улыбнулась псу, легонько потрепав его по макушке. Людей удивляла его кличка. Казалось, что такая большая и солидная собака должна зваться Айроном, Графом или Бароном, но трехгодовалой Леле щенок показался похожим на собаку из передачи «Спокойной ночи, малыши!», которую ей включала мама. Так Филя и стал Филей.

Леля жила с папой. Так получилось при разводе: мама часто путешествовала, а когда возвращалась, была задействована почти во всех спектаклях и жила на репетициях. Не то чтобы у Андрея Петровича было много свободного времени, но он, в отличие от своей бывшей жены, никогда не хотел совершить кругосветное путешествие и забраться на Эльбрус, что сложно сделать, если нужно учитывать школьное расписание дочери. Леля восхищалась насыщенной жизнью матери и амбициями отца, и это рождало в ней интересное для нее самой внутреннее противостояние. Она не обижалась на отца и мать по отдельности как на людей с особыми привыч-

ками и чертами характера, но на них вместе – как на пару, как на родителей – она таила большую обиду. Их расставание было закономерным для любого здравомыслящего человека. С одной стороны мама, которой вечно не сиделось на месте, а с другой – папа, который считал, что самое главное в жизни построить дом, осесть в нем и успокоиться. Непримиримые противоречия, как они объяснили в суде. Леля, когда узнала о том, что родители ставят большую черную и жирную точку, только пожалала плечами и, как ей показалось, особо не расстроилась. Но всю ночь все же проплакала, а тело тряслось, будто она находилась не в Москве, а в сугробе Антарктиды. Ту ночь Леля до сих пор считала самой страшной в жизни. И пусть она лежала в кровати под теплым одеялом, в уюте и безопасности, но все же никак не могла отделаться от чувства, что вот-вот разъедется пол, а затем и земля – и все провалится к самому ядру, потому что постоянного нет ничего, как и нет ничего твердого; что все вязкое, тянущееся, и ноги в этом постоянно тонут, как в болоте или в сухом песке.

А потом папа съехал, чтобы не видеться с мамой до развода (тогда еще не было решено, что Леля останется жить с папой), и начался недолгий, но утомительный для всех бракоразводный процесс. Родители все делали мирно, по любви, как они говорили, но случалось Леле слышать и скандалы, которые заканчивались мамиными слезами и папиными хлопками дверью. И самое ужасное – Лелин мир так и не обрел ничего постоянного. Она до сих пор иногда спохва-

тывалась и начинала прислушиваться: не трясется ли земля, вдруг планета наконец решила разрушиться следом за Лелиной семьей.

Страхи могли бы легко сгладиться отцовской улыбкой или маминым объятием, но родители, погруженные в свои заботы, не находили сил, чтобы позаботиться о ком-то, кроме них самих. Иногда мама думала: «Надо бы с Лелькой по магазинам пройтись», а потом представляла, как, по закону подлости, обязательно встретит знакомых и непременно эти знакомые полюбопытствуют, что это Андрей Петрович номер в отеле снимает, а не дома живет (откуда только всем все известно?!). И придется что-то придумывать, объяснять... «Нет, – думала Лелина мама, – нет сил, не сейчас. Как-нибудь потом прогуляемся. Лелька ведь все понимает и зла не держит».

Андрей Петрович тоже, просиживая вечера наедине с водкой в номере отеля, думал: «Кажется, у Лели родительское собрание, надо не забыть» – и забывал, закопавшись в важных документах на работе – все что угодно, только бы не отвечать на сообщения адвоката и не думать о жене... Почти бывшей, но от этого не менее любимой. «Понимаешь, болит, – говорил Андрей Петрович другу в один из таких вечеров после работы. Они сидели в ресторане. – Думаю, ну и черт с ней, хочет свободы, пусть получает. А ведь сказать – не почувствовать! Дом этот видеть не могу. Для нее ведь строил!»

Так и получалось, что Лелины переживания выслушать никто не мог. Стараясь отвлечь себя, она переключилась на модные журналы и не могла не сравнивать себя с красавицами с глянцевых страниц. Мама у Лели была красивой женщиной, и Леля всегда с гордостью считала, что похожа на нее, но как-то раз она заехала к маме на работу. Шел спектакль, и она сидела в гримерной вместе с визажистами, ждала. Визажистами оказались две простенькие женщины, уже не юные, но еще в самом расцвете сил. И эти силы они решили потратить на Лелю. Одна, пышная и громкая, оглядела ее деловито и сказала:

– Какая-то ты бледненькая, крошка, сейчас добавим тебе красок!

И они покрыли несколькими слоями косметики Лелино лицо, особенно долго колдуя над глазами. Леля сжалась, ей все время хотелось оттолкнуть этих женщин. Кисточки в их руках не оставили ничего родного и знакомого на лице. «Неужели я так плоха? Неужели совсем некрасива?» – в ужасе думала Леля. Фотографии в журнале отвечали: «Да, все так, недостаточно красива», а зеркало подтверждало: «Ни высокого роста, ни грации, ни изящества, ни обаятельной улыбки, пышной груди – ничего». И Леля все больше замыкалась в себе. Через несколько дней после случая в маминой гримерке она скупила почти весь магазин косметики и перестала носить обычные джинсы и свитера, заменив их яркой модной одеждой. Любой тренд, стоило ему только по-

явиться, тут же оказывался в Лелином гардеробе. Она считала, что если с природной красотой не вышло, то одежда и макияж добавят обаяния. А потом, со временем, от ненависти к своей внешности она пришла к пониманию, что ей и правда нравится краситься яркими тенями, носить блузку с перьями или надевать носки с босоножками. Она чувствовала себя собой – смелой, отличающейся от всех и способной выносить эту неординарность, несмотря на недовольные и осуждающие взгляды.

Выплескивая злобу на все: на родителей, на надоевшую до тошноты головную боль, на новую школу и одноклассников, Леля с силой, так же лежа на спине, стала колотить по кровати руками и ногами. Филя с интересом на нее посмотрел.

В дверь постучала и быстро вошла, не дожидаясь разрешения, тетя Таня. Леля часто злилась на нее за то, что личное пространство для той было лишь условностью, и никакие разговоры не помогали. Тетя Таня обещала, что будет стучать, действительно делала так первые пару дней, а потом все по новой.

Тетя Таня жила с Лелей и Андреем Петровичем уже около трех лет. Хотя правильнее будет сказать, что это они жили с ней. Когда Андрею Петровичу предложили высокую должность управляющего в московской компании, семья начала подыскивать себе жилье, и тетя Таня с искренним желанием и любовью предложила им свою большую квартиру, оставшуюся от мужа-композитора (тетя Таня удачно вышла за-

муж когда-то в молодости). Посовещавшись, Лелины родители сначала отказались: неудобно стеснять человека. Тетя Таня тогда расстроилась и даже, кажется, плакала во время разговора с Андреем Петровичем по телефону. Она была очень одинока. Родители сдались. Так и стали жить вместе. Тетя Таня любила готовить и заниматься домом и окружила заботой своих гостей. Возвращение Андрея Петровича и Лели в маленький городок стало для нее настоящим ударом. Она плакала, постоянно пила успокоительное и преданно заглядывала в глаза племяннику, надеясь, что он передумает. Андрей Петрович тетю любил и был ей благодарен за то, что она поддержала его, когда погибли его родители, едва ему исполнилось восемнадцать, был благодарен и за три года тепла и уюта, поэтому не вынес ее слез и предложил уже навсегда переехать жить к ним. Теперь, когда родители Лели развелись, домом занималась только тетя Таня.

Была она женщиной исключительно простой, доброй, безыскусной (Лелю всегда удивляло, как она с такими качествами умудрялась крутиться в кругах советской интеллигенции вместе с мужем-композитором), правда, уж очень любопытной. А еще любила давать советы, искренне считая, что благодаря ее невинным, сказанным добрым голосом замечаниям человек сможет стать лучше. Из-за последних двух пунктов у Лели были с ней сложные отношения, хотя простодушная тетя Таня об этой сложности и знать не знала, а Лелину скрытность, холодность и язвительность списывала

на переходный возраст и считала, что своей любовью рано или поздно отогреет эту «ледышечку».

– Леленька, я тебе принесла чай и грушевый пирог. Ой, а ты почему лежишь? Еще в таком виде... А если папа зайдет!

– Папы дома не бывает. А у меня голова болит.

Тетя Таня вздохнула:

– Бедный ты мой ребенок, мучаешься с детства. И за какие грехи?

– Пережатому нерву, тетя Тань, все равно, есть ли грехи. Он просто мешает крови нормально циркулировать – и все.

– «Скорую» вызвать?

– Нет, пока терплю.

В животе заурчало. Леля знала, что скоро головная боль станет еще невыносимее, поэтому лучше перекусить сейчас. Она со вздохом села на кровати, взяла у тети Тани чай и пирог.

– Тебе бы еще килограммчика три набрать, и красота! Грудь станет сразу попышнее, и вообще мягкость появится, – дала тетя Таня очередной бесценный совет.

Леля ее проигнорировала.

– Как все прошло в школе? – полюбопытствовала тетя Таня.

Она ждала Лелиного возвращения с самого утра – так ей не терпелось узнать подробности. Но Леля обманула ее ожидания, ответив, жуя пирог:

– Отфращительно, – проглотила кусочек и добавила: – Не

пирог, в смысле, а школа. Успела перессориться с ребятами буквально на пороге.

– Надо же! А из-за чего вы поссорились? Кто начал?

Леля поморщилась, давая понять, что подробностей не будет, тогда тетя Таня назидательно сказала:

– Зачем ты так, Леленька? С людьми дружить нужно. Без людей плохо.

– Тетя Таня, а дружбы не бывает. Зачем пытаться, каждый за себя всегда. И всем друг от друга что-то надо. Я это точно знаю. Только вот Филя никогда не предаст, да, товарищ? – Леля снова с любовью почесала макушку сенбернара.

– Ты, Леленька, циничная. Это грустно. В первую очередь тебе и грустно. Как же ты жить-то дальше будешь с такими убеждениями?

– Еще счастливее многих. Без розовых очков. Все несчастья у людей от того, что очки трескаются рано или поздно, и стекла больно режут глаза.

– А все-таки ты не права.

– Да что вы!

– Мне вот от вас с Андрюшей ничего не надо. Я вас просто так люблю и просто так о вас забочусь. Видишь, Леленька, тебе нечего сказать, а это значит, что ты не права.

Леле было что сказать. Она давно заметила, что тетя Таня не особо стремилась «просто так заботиться» о них до тех пор, пока не поумирали все ее друзья и муж. И вот только тогда, когда огромная черная дыра одиночества стала осо-

бенно сильно затягивать, тетя Таня и пригласила их к себе.

Леля подумывала сказать это, но у нее ныла голова, и объясняться вечером с отцом, почему она довела тетю Таню до слез, сил не было совсем, поэтому Леля решила промолчать.

А тетя Таня, довольная своей победой и молчанием Лели, вышла из комнаты.

4

Леля хотела пойти в новую школу с понедельника, а эти четыре дня отлежаться дома. Тем более что мигрень хоть все-таки и не разыгралась в полную силу, но еще и не отступила до конца: ныли виски и болели глаза. Андрею Петровичу этот расклад не понравился.

– Не вижу необходимости откладывать неизбежное, – сказал он. – Ты уже и так пропустила порядочно уроков. А от мигрени как раз в школе отвлечешься. – Андрей Петрович в этот раз не верил жалобам Лели на головную боль, подозревая дочь в обычной лени.

Спорить с отцом бесполезно. Демократия в воспитании никогда не была его коньком.

Одевалась в первый школьный день Леля в особенно по-нуром настроении. Она представляла, как муторно и сложно будет вливаться в уже сложившийся коллектив, что нужно общаться, рассказывать о себе, слушать о других и проявлять хоть чуть-чуть искренний интерес...

А еще ее внешний вид. Сама Леля давно уже привыкла к повышенному вниманию и непониманию – плата за броскость, которая ей даже нравилась. Но у нее совершенно не было сил именно сегодня, чтобы отстаивать себя перед учителями. В прошлой школе, из которой ее попросили уйти из-за поджога (ту, в которой она училась последние два месяца, Леля даже не считала, потому что редко там появлялась), каждый пожилой преподаватель – а таких подавляющее большинство – считал своим святым моральным и воспитательным долгом указать ей на то, что, одеваясь так, она совершает страшную ошибку, которая приведет ее к самому печальному концу.

– К какому же? – интересовалась Леля всегда со смешком.

– К канонически плохому, – качая головой, будто уже скорбя по ее судьбе, отвечали преподаватели.

«Ну пусть хоть тут ко мне не лезут», – взмолилась Леля, выходя из папиной машины у школьных ворот.

– Хорошей учебы, – сказал папа, поглядывая на часы. – Сейчас эксцессы нежелательны.

Леля хлопнула дверью. Она смутно представляла значение слова «эксцесс», но догадалась, о чем попросил ее папа. Вообще, ей всегда было забавно общаться с отцом – без словаря канцеляризмов не обойтись. Андрей Петрович, большую часть времени и жизни проводя на работе, абсолютно забывал менять стиль речи на живой и человеческий, когда выходил из кабинета и оказывался в кругу семьи. Например,

об отпуске папа говорил дома так: «С целью восполнить израсходованные жизненные ресурсы мною было принято решение отправиться к морю», а когда Леля о чем-нибудь просила его, он сдержанно, как на деловом собрании, говорил: «Я рассмотрю данный вопрос».

У поста охранника в школе Лелю встретила невысокая немолодая, но еще нестарая женщина с короткой стрижкой и ярким запахом цветочных сладких духов. Она с пугливым интересом окинула Лелю с головы до ног: от розовых в этот раз стрелок до топа, голого пупка и черных джинсов с разрезами на бедрах.

– Оля Стрижова? – спросила она, чуть помедлив.

– Да. Только Леля.

– Я Ксения Михайловна – твой классный руководитель.

Пойдем, познакомлю тебя со всеми.

Ксения Михайловна шла чуть впереди, а Леля, глядя под ноги, плелась сзади. Видно было по торопливым и суетливым действиям учительницы, что ей неловко: она не знает, как реагировать на подобный вызов и эпатаж. Новый директор запрещал делать замечания по поводу внешнего вида детей, которые «так самовыражаются», с чем Ксения Михайловна была не согласна, но не отважилась возразить Сергею Никитичу, когда он озвучил свое требование, и сейчас неловко молчала.

– Так, ну второй и первый этажи у нас для малышей. Старшекласники обитают в основном на четвертом. Сейчас у вас

будет геометрия. Так, нам с тобой в четыреста одиннадцатый... Нет, не сюда, он чуть дальше, в этом закуточке... Да, проходи. Господа десятиклассники! – Ксения Михайловна похлопала в ладоши, привлекая внимание, когда они с Лелей вошли в светлый кабинет. Сначала никто не обратил внимания на их приход: пятеро ребят сидели на подоконнике и болтали, кто-то мыл доску, кто-то писал в тетради, остальные разбрелись по классу, собравшись группками.

Ксения Михайловна еще раз похлопала в ладоши и поздоровалась громче. Гул стал стихать, и двадцать пар глаз постепенно приклеились к вошедшим.

– Ну вот и славно. Всем доброе утро! Я хочу представить вам новую одноклассницу. Оля Стрижова. Оля к нам перевелась...

– Леля.

– Что? – не поняла Ксения Михайловна.

– Я предпочитаю форму имени Леля. Оля мне не нравится.

– А, – на миг растерялась Ксения Михайловна. Ей не пришлось по душе эта странная, так ярко и совсем некрасиво, на ее вкус, одевающаяся девочка, ее новая ученица. – Леля к нам перевелась из гуманитарной московской школы. Литературы было много, да?

– Ага, по горло.

– Надо же... Значит, ты, если что, ребятам сможешь помочь с чем-то, что-то разъяснить.

– Разъяснить?

– Да.

– Разъяснить что-то могу.

– Прекрасно! Ну что, господа десятиклассники, вы знакомьтесь, а я пойду. Урок скоро начнется.

И она вышла из класса, как выходит трусоватый человек, оставляя в комнате наедине собаку и кошку, чтобы ему, не дай бог, не прилетело.

5

Леля немного постояла у доски, оглядывая одноклассников. Мальчики – высоченные и прыщавые, девочки – кругленькие, оформившиеся и с интересом во взгляде.

– К кому можно подсесть? – подала наконец голос Леля.

– Ни к кому. Все места заняты, – услышала она довольный, предвкушающий травлю голос.

Леля посмотрела на говорившую и мысленно приготовилась к борьбе, потому что узнала невысокую, крепкую, черноволосую Машу с темным пушком над верхней губой. Маша сидела на подоконнике в окружении подружек. Среди них Леля заметила Сонечку с большими, как две луны, светлыми глазами. Эти глаза и сейчас смотрели без неприязни, по доброму, будто все понимая. «Не надо, не ругайся, они же просто рычат. А кусаться никто на самом деле не хочет», – словно говорили они.

Прозвенел звонок и неспешно, переваливаясь с одной ноги на другую, вошла круглая, как шарик, учительница геометрии.

– Все садимся, – с одышкой сказала она, тяжело опускаясь на стул, потом заметила Лелю, оглядела ее с ног до головы и спросила: – А ты у нас кто, жар-птица?

– Новенькая.

– Ну садись, новенькая. Зовут-то как?

– Леля Стрижова.

Учительница кивнула и тут же сказала громко:

– Я тут вот что думаю, дети мои. Раз уж погода плохая, хмурая, может, и нам, чтобы от природного настроения не отставать, проверочную небольшую написать? О как! Даже в рифму получилось. Значит, точно напишем!

Пока класс недовольно тарахтел, Леля оглядела ряды. Мест все-таки было предостаточно, кто-то вообще один сидел. Но Леля чувствовала, что лучше никого не стеснять, поэтому дошла до последней парты в третьем ряду и села, положив перед собой сумку.

– Доставайте листочки, убирайте учебники, дети мои! – миролюбиво ворковала учительница, но все равно ее зычный голос перекрывал ропот школьников.

Когда иссякли десять минут, отведенные на написание формул, Зоя Ивановна, поправляя в маленьком зеркальце красную помаду на губах, scomандовала кому-то из класса собрать листочки у всех и принести ей.

Вызвался парень со шрамом в брови, именно с ним Леля так грубо обошлась, когда налетела на него в дверях.

– Вот и славно, Илюшенька. Вот спасибо! – умилилась Зоя Ивановна, пока Илья ходил по рядам.

Поскольку Леля сидела за самой последней партой третьего ряда, к ней Илья подошел в конце. Леля протянула ему абсолютно пустой листок, на который Илья бросил удивленный взгляд, а затем раздраженно глянул на Лелю и пошел к преподавательскому столу.

– Так, а это кто у нас такой умный, дети мои? – Зоя Ивановна подняла двумя пальцами с красными ногтями пустой листок и легонько потрясла над головой. – Новенькая?

– Да! – с вызовом крикнула Леля.

Зоя Ивановна покачала головой и со вздохом велела всем открывать учебники. А Леля достала наушники, положила голову на руки и закрыла глаза. Голова стала болеть ощущением: сказывалось напряжение. Как бы Леля ни пыталась обрести внутреннее равновесие, которое она так успешно имитировала, ей это так и не удалось за все эти годы. И любая шпилька в ее сторону, конфликт или спор на какое-то время выбивали ее из колеи.

Резкий школьный звонок, будто прямо над головой, заставил Лелю резко поднять голову с парты. Одноклассники уже встали и с шумом собирали сумки, чтобы выйти из кабинета. Леля тоже сонно поднялась и потянулась.

– У тебя почти грудь видно, – сказала Маша, проходя ми-

мо. – Позорище!

– Не смотри. Хотя лучше смотри, потому что красивую грудь в зеркале ты точно увидеть не можешь.

– Да там от груди одно название!

– Не нужно, – встряла Сонечка и подтолкнула Машу вперед.

Леля схватила сумку, сделала вид, что смотрит в телефон, до тех пор, пока последний человек не вышел из класса, и подошла к окну.

Снег еще не выпал. Бледной, смертельно больной и тоскливо тихой показалась Леле природа сейчас. В голых покачивающихся на ветру ветках берез виднелись сухие и пустые гнезда грачей.

Да, несладко все началось, будто кто-то забыл настроить музыкальный инструмент, и сейчас он издавал неприятные уху звуки. Хотя, грустно подумала Леля, у нее уже все давно так несладко. Черт с ними со всеми... Как-нибудь протянет до каникул, потом до следующих, потом до конца года, закончится десятый класс, потом снова до каникул дожить... Так и одиннадцатый класс к концу подойдет. Может, по работе отца они снова переедут. Было бы хорошо!

А если, вдруг подумалось, извиниться? Подойти к Маше и Сонечке и прямо так сказать: «Девчонки, не знаю, что нашло, давайте кофе вместе выпьем?» Мысль казалась заманчивой первые несколько секунд, а потом Леля представила то чувство унижения, которое испытает во время выбрасы-

вания белого флага... А тут уже и мерзкий клоун снова стал дергать за ниточки, испугавшись, что его кукла задумала совершить что-то миролюбивое.

Черт с ними, еще раз решила Леля и тряхнула головой. Вдруг она задумалась, разблокировала телефон и набрала в поисковике: «Сколько длится учебный год?»

175 дней... Сто. Семьдесят. Пять. Сто... Сколько же всего плохого может случиться за это бесконечное время.

Ну ничего! Просто пережить! А потом возьмутся силы откуда-нибудь на следующий год. А там и свобода...

Леля нашла в отражении в окне свои грустные, будто даже оттянутые вниз глаза, отвернулась и вышла из кабинета.

6

На следующее утро Андрей Петрович снова лично довез Лелю до школы. Она понимала, что с его стороны это не знак заботы, скорее контроль, чтобы не прогуливала. Смешной, думала Леля, да если бы она захотела сбежать с уроков, никакие ворота ее не остановили бы.

Школьный двор утром, как и обычно, походил на маленькую льдину, на которой столпились все пингвины округи. Черный, чистый внедорожник привлек взгляды, и ветер стал разносить от уха к уху: «Сколько же стоит?!», «Вот директора живут хорошо!», «Моим родителям на такую всю жизнь копить, наверное, надо».

– Без эксцессов, я помню, – сказала Леля отцу, перед тем как хлопнуть дверью машины.

На школьных ступенях Леля снова увидела прежнюю лестничную компанию. «Что у них тут за традиция такая – стоять в самом неудобном месте?» – удивилась она. Желания спорить она в себе не ощущала, да и гаденький клоун не показывался, видимо, еще не проснулся, поэтому Леля решила подняться с другой стороны лестницы, чтобы не столкнуться с одноклассниками.

Звонкий голос все равно настиг ее.

– Крутая тачка, – сказала Маша, – вот интересно, сколько заводских денег надо отмыть, чтобы на такую заработать.

– Ты, даже если двадцать лет отмывать будешь, не заработаешь. А вот честно, с усердием, выполняя все заказы в срок, можно за год заработать. Но на этот путь у тебя мозгов не хватит. Так что так и так тебе не светит.

Леля и сама не знала, что ударила в самое больное место, которое ныло у Маши со времени, когда она начала сознавать себя и понимать окружающий мир. У них с родителями была маленькая двухкомнатная квартирка, которая по наследству перешла папе от бабушки. А бабушка в советское время получил ее от государства.

В квартире этой самая большая комната использовалась как гостиная и родительская спальня, а маленькую, почти каморку, отдали Маше. Свою комнату, оплот спокойствия, Маша обожала, но планировка у квартиры была неудоб-

ная: чтобы пройти в комнату родителей, нужно пройти насквозь маленькую Машину комнату. Получался вечный проходной двор. Маша пообещала себе, что окончит школу, уедет учиться в Москву, станет успешным адвокатом и вот тогда заживет в собственной комнате – или даже квартире – одна!

Страшно пугала Машу перспектива не поступить в хороший университет, ведь тогда останется только работенка в городе. На завод она не хотела ни за что. «А зря, – говорил папа, – стабильно. И государству помогаешь». Маша ничего против патриотического и стабильного труда не имела, но чувствовала, что эта деятельность не для нее, оставшись, она просто наденет себе на шею якорь и утонет без шанса на спасение. И как же страдала мама от цеховой вредной пыли! Постоянный кашель, испорченные легкие. Нет! Маша иначе хотела. И, когда она смотрела на Лелю в таких хорошо сшитых, пусть и странных вещах, приезжающую в школу на большом и теплом внедорожнике (в то время как Маша обычно тряслась в продуваемом автобусе полчаса), ее охватывали злость и зависть. Ну почему, с обидой думала Маша, кому-то все: и учеба, и комфорт, и все открытые двери, даже если они этого недостойны (а неприятная заносчивая Леля, по мнению Маши, конечно, ничего этого не заслуживала), а кому-то барахтанье без надежды на то, что получится уцепиться за соломинку.

Когда Леля сказала, что Маше никогда не светит такая

красивая, большая и дорогая машина, Маше сначала захотелось подбежать к ней и оттаскать за волосы, а потом заплакать от страха: вдруг и правда все мечты так и останутся мечтами, а жизнь распорядится жестоко, беспощадно...

Неизвестно, чем закончилась бы словесная дуэль, если бы парень со шрамом на брови, Илья, подойдя к ним, не сказал громко:

– А вы чего здесь? До урока три минуты.

Леля вздрогнула от неожиданности, а Маша отвлеклась от своих мучительных мыслей. Хор нестройных голосов вразнобой поздоровался с Ильей. Все двинули в школу.

В кабинете, сурово подперев бока, школьников ждал ноябрь: кто-то открыл окно перед уроком. Войдя в класс, Леля сразу вся сжалась и обхватила себя руками. Еще минут десять воздух будет нагреваться, с тоской подумала она, усаживаясь на холодный деревянный старый стул. Лелины одноклассники, шумя и разговаривая, расходились по кабинету.

Бодро вошел директор. Брючный костюм, судя во всему, он так и не приобрел, ходил в джинсах и пиджаке. Леля обрадовалась: он еще минут пятнадцать будет посвящать всех в организационные вопросы, а урок сократится. Но директор вопреки ожиданиям Лели закрыл за собой дверь, встал около пустующего учительского стола и попросил всех открыть учебники на сотой странице. Леля удивилась: «Так он еще и преподает?!» Мистика какая-то! В ее старой школе она ди-

ректора видела только на мероприятиях и когда он вызывал ее к себе в кабинет, чтобы отругать.

– Ну что, всем респект и уважуха! – сказал он, когда ребята перестали шелестеть листами учебников и затихли. – Вы думаете, что я выражаюсь некультурно. А нет! Изучение жаргонизмов необходимо, чтобы в социуме люди могли понимать друг друга.

– Эти уже устарели, – сказал какой-то мальчик, Леля не поняла, кто именно.

– Вот как! – расстроился директор и со вздохом продолжил: – Наука и жаргон, как дети, на месте ни минуты не задерживаются. Не поспеть!

– Я вам составлю словарь.

– Составь, Мить, составь. А то вдруг вы мне скажете: «Хей, чел, гоу чилить, а то учеба – зашквар полный». А я не пойму. Это же ни к чему хорошему не приведет!

– Жиза, – поддакнул кто-то.

– А? – не понял директор. – Ну вот, видите!

По классу разнесся легкий смех.

– Ну что, – продолжил директор, – давайте по домашнему заданию пройдемся.

– А что, мы вам разве тетради не будем сдавать? – спросила девочка с первой парты.

– Был бы рад видеть ваши тетради, но я и так уже схожу с ума от количества текста в моей жизни. Кто хочет начать? Мы с вами тропы разбирали, если я правильно помню. Зада-

нием было придумать свои примеры на каждый троп, верно? Ну, давайте, читайте каждый свои самые удачные находки. Вот прямо с первой парты и друг за другом.

Леля уроки не сделала: провалялась до ночи в наушниках, положив голову на Филю, которому разрешила запрыгнуть на кровать, да так и уснула. Даже не переоделась и макияж не смыла. Утром, собираясь в школу, Леля подумала, что нет смысла беспокоиться из-за домашнего задания, ведь все учатся спустя рукава. Если даже в ее, хорошей гуманитарной школе, все ленились, то уж в обычной... И когда директор попросить зачитать то, что было задано на дом, а все действительно один за другим произносили самостоятельно придуманные метафору или сравнение, Леля растерялась и все оставшееся время, ожидая, когда очередь дойдет до нее, набиралась с силами, чтобы начать отбивать недовольство директора. Он, Леля была уверена, и так уже к ней плохо относится. Преподаватели как-то легко истребляют в себе симпатию к ней, стоит им узнать о ее подвигах в прошлой школе и о постановке на учет в комиссии по делам несовершеннолетних.

– Да вы же знаете, что я не гуманитарий и все эти ваши метафоры, образы, переносные смыслы не для меня, я материалист, – сказал Илья, держа руку на тетрадке.

– А ты думаешь, я гуманитарий и виртуоз в переносных смыслах? Да я вообще только после армии к знаниям потянулся и то... не знаю... Филология подвернулась. Но быст-

ренько что-то придумать все-таки могу. Смелее, Илья, смелее. Мы все учимся понемногу чему-нибудь и как-нибудь. Если бы ты слышал, какие примеры лично сочиненных метафор я приводил пару лет назад, ты бы отобрал у меня диплом.

– Ну хорошо, – нехотя сказал Илья и открыл тетрадь. – Метафора: над головой небесная лужа.

Леля улыбнулась.

– Материалист, материалист... То-то материалист, чтобы у нас все поэты такими материалистами были. Хорошо вышло! – сказал директор.

Очередь быстро дошла до Лели. Все повернулись с интересом к ней: ждали, что выдаст новенькая со стразиками около глаз.

– Я не сделала, – сказала Леля с вызовом.

– Жалко, конечно, – вздохнул директор, – было бы интересно услышать, как ты видишь мир. А сейчас в голову ничего не идет? Сравнение, может, или метафора?.. А вдруг и синекдоха!

– А я мир не вижу, я вижу только себя.

– М-да, треш, – послышалось откуда-то с первого ряда.

– Ну что ж, если у тебя пока так взгляд направлен, то, конечно, как от слепого требовать описать краски... Я тоже когда-то только себя видел. Это от близорукости. Надо с течением жизни учиться носить очки, Леля. Надо. Или жизнь заставит. А все-таки лучше самой научиться.

Леля ехидно улыбнулась, как бы давая понять, что пропустила все сказанное мимо ушей, а сама погрузилась. Но лицо держала! С интересом она стала наблюдать, как вели себя одноклассники на уроке. В основном ничего особенного. Кто-то в телефоне сидел, некоторые перешептывались. В очередной раз привлек Лелино внимание Илья. Она поняла, что уроки – его звездные часы. Он говорил не меньше Сергея Никитича и обязательно вставлял что-то заумное вроде: – Ну, очевидно, что тут у Тютчева отсылка к Паскалю.

К концу урока Леля, устав от чрезмерной эрудированности Ильи, только закатывала глаза.

Когда прозвенел звонок, Леля забежала в женский туалет, чтобы проверить в зеркале, не осыпалась ли тушь и не стерлась ли помада с губ. Увидев свои уставшие глаза, Леля слабо улыбнулась и сказала себе: «Не раскисай, дружок». Новая школа давалась ей трудно. И зачем она так начинает! Ведь несложно посидеть часик над уроками! Иногда даже интересно... Да и поссорилась с одноклассниками из-за пустяка, а они теперь по любому поводу ее задевают. Вот после урока Маша прошипела, проходя мимо: «Ну и ду-у-ура». Но Леля не могла сменить выбранный курс. Ей казалось это ужасно унижительным, будто милостыню попросить. Она и в детстве не извинялась, даже когда понимала, что была не права. Просто выжидала какое-то время, а потом все само забывалось...

Мигнул экран телефона: мама прислала фотографии из

путешествия. Леля, не глядя на них, стала печатать сообщение:

«Мама, у меня что-то совсем не заладилось...»

Потом взгляделась в мамину аватарку. Это было селфи, сделанное после массажа. В волосах цветок. Эта красивая молодая женщина – ее мама. Леля представила, как она получает огромную поэму о Лелиных трудностях и несчастьях и... Что? Наверное, другая мама позвонила бы или даже приехала бы поддержать ребенка. Но Леля никак не могла представить свою маму в прекрасном ярком путешествии, волнующейся о бедах дочери. Она даже до развода не отличалась эмпатией, а получив свободу... Нет, эта красивая женщина на аватарке и не хочет быть матерью. Любит, Леля не сомневалась в этом, но быть матерью не хочет. Леля стерла сообщение, отправила привычный смайлик и убрала телефон в карман.

Послышались девичьи голоса. Леле не хотелось ни с кем встречаться, и она проворно забежала в туалетную кабинку. Девочки вошли и включили воду.

– Так что у тебя с олимпиадой, ты не договорила.

– Подожди, пишу завтра региональный этап. А потом уже увидим...

Леля узнала голоса Маши и Сонечки.

– Хорошо бы, конечно, победить, – сказала Маша. – Я так мечтаю! Это же почти стопроцентное поступление.

– Победишь.

– Я вчера до трех ночи сидела, решала задания прошлых лет. Мне иногда кажется, что их составляли какие-то страшные люди. Маньяки! Не знаю, кем надо быть и какие мозги иметь, чтобы выигрывать в таких штуках.

– Твои мозги. Ты очень стараешься. Все не зря.

– Родители согласились выделить деньги на репетитора, если смогу победить в регионе, чтобы к Всероссу готовиться. Мне очень стыдно перед ними, но куда деваться. Вот разбогатею и все им верну. Я еще сказала им, что занятия с репетитором – это мне подарок на день рождения, чтобы не расстраивались, что не хватает.

Девочки замолчали. Леля прислушалась, стараясь по звукам понять, что они делают.

– Черт, – сказала вдруг Маша расстроено.

– Что такое?

– Да проверяла объявление репетитора, который готовит к олимпиадам. Он цену поднял... Я родителей на тысячу-то еле уговорила, за тысячу пятьсот они точно не согласятся.

– Другого найдешь!

– Мне хороший нужен. Этого рекомендовала девочка, которая побеждала. Ну как так! – Леле показалось, что Маша готова расплакаться. – Я постоянно пытаюсь, пытаюсь, а ничего не складывается и не складывается!.. Я сплю с учебниками, но этого мало! Не знаю, что еще... Как мне выбраться, Сонь? Куда я поступлю? Может, правда, лучше принять уже, что мой потолок тут...

– Так-так, нос повесила! Ты чего, – Соня заговорила тише, и Леля поняла, что девочки обнялись, – сейчас не складывается, а потом как сложится, да еще так, что ты обалдеешь от счастья!

– Ты видела, у этой новенькой какая сумка? Ее продать, так мне полгода хватило бы репетитора оплачивать.

– Не считай чужие деньги.

– Да я просто не понимаю! Это нечестно! Я умная, могу так много: и плавать, и рисовать, и учиться хорошо, но родители ничего из этих секций оплатить не могут. А ей... Она ведь круглая дура, ты видела ее сегодня? Несправедливо.

– Ты не знаешь, какая у нее жизнь.

– Слушай, Сонь, ну выключи святую, а! Дай понуть просто.

– Ной. А хочешь, я тебе булочку куплю?

Они ушли. Леля вернулась к раковине и снова посмотрела на себя. Вдруг стукнула дверь туалетной кабинки. Длинноволосая пухленькая хорошенькая блондинка в черных «конверсах» и модном трикотажном платье встала у соседней раковины. Бросая изредка на Лелю взгляды, она помыла руки, неспешно вытерла их бумажным полотенцем и выбросила его в урну.

– Это ты та новенькая? – спросила она со спокойным интересом.

– Которая круглая дура? Ага...

– Ясно. Привет! – Блондинка протянула Леле руку. – Я

Надя. Из одиннадцатого.

Леля скорее автоматически, чем осознанно, ответила на рукопожатие.

– Что, отношения с одноклассниками не задались? – спросила Надя, прислонившись к раковине.

– Иногда мне кажется, что мне надо с осторожностью ходить по темным переулкам.

– Советую не принимать близко к сердцу. В этой школе, как и в этом городишке чертовом, индивидуальность не в почете. Я тоже особой любовью у своих не пользуюсь. Но меня не волнует.

– Ты тоже новенькой была?

– Да если бы! – хохотнула Надя, откинув длинные светлые ухоженные волосы с плеча. – Ты наверняка уже слышала, что мой папа – тот самый Исаев. У него сеть супермаркетов, – добавила Надя, видя, что Леле ничего не сказала фамилия. – Так вот. Меня всю жизнь в школе тиранят из-за того, что у меня телефоны крутые и одежда хорошая, а у других все не так. Ну я уверена, ты понимаешь.

Леля кивнула. У нее из памяти как-то разом улетучилось воспоминание о том, как она нагрубила одноклассникам в первый же день на ступеньках, и теперь ей действительно стало казаться, что все дело в ее последнем айфоне и папином внедорожнике. Впервые почувствовав понимание, она сразу потянулась к уверенной в себе Наде всей душой.

– Ну ладно, ты не дрейфь. Тут нормально выживается.

Главное – не давай себя в обиду. Это твой аккаунт? – она повернула к Леле экран телефона. – Я кинула заявку в друзья. Спишемся как-нибудь.

Надя улыбнулась и направилась к выходу. Леля смотрела ей вслед, а потом вдруг, подхлестнутая большим тоскливым чувством одиночества, спросила:

– А ты сейчас на урок?

Надя обернулась, положив руку на дверь:

– По идее, да, а что?

– А не хочешь кофе попить?

– Кофе... – Надя задумалась, потом пожала плечами. –

Почему нет? Давай! Я знаю хорошую кофейню.

Они направились на первый этаж. Раздевалки десятого класса и одиннадцатого были в разных концах коридора, поэтому ненадолго им пришлось разделиться. Быстро накинув куртку, Леля поспешила к выходу из раздевалки и вдруг на кого-то налетела.

– Извини за то, что мы столкнулись, и предупреждаю, что грубить, как в прошлый раз, совсем необязательно.

Леля подняла голову и увидела Илью. Он тоже был в куртке и от него пахло сигаретами. Видимо, выходил покурить.

Смотрел он на Лелю равнодушно, а говорил будто бы даже с раздражением:

– И, кстати, у нас сейчас английский, если ты вдруг забыла.

Отвечать Леле не хотелось, она молча обошла Илью и про-

должила путь к выходу.

7

В кофейне было пусто. Только сонный бариста лениво протирал чистые кружки.

– Да в этом городе не принято по кафе ходить. Папа как-то даже сказал, что здесь посещают только два места: работу и продуктовый, – сказала Надя.

Они сели за дальний стол у окна. Небо затянуло тучами, и в помещении царил холодный полумрак. Леля зевнула, а потом посмотрела на Надю. Она еще в туалете показалась Леле красивой, но при дневном, пусть и тусклом свете Надя оказалась невероятно прелестной. Миловидных лиц много, гораздо меньше уникальных в своей красоте. А Надя обладала таким необыкновенно узким, изящным разрезом глаз, что казалось, будто она всегда слегка хитрит, и приподнятые внешние уголки глаз создавали ощущение вечной полуулыбки на ее лице.

Бариста, молодой парень, принес две чашки кофе. Надя подождала, когда он уйдет, и негромко сказала Леле, кивнув на него:

– Как, наверное, погано понимать, что ничего большого и великого в твоей жизни уже не будет. Только какая-нибудь жена, дети, на которых вечно будут нужны деньги, а потом и старость.

Леля посмотрела на бариста. Лицо его не было злым, он пританцовывал под музыку, занимаясь чем-то за стойкой. Казалось, что впереди у него только хорошее.

– Да ладно, с чего ты взяла, – сказала Леля.

– Потому что я знаю этот город. Отсюда либо уезжают учиться в институт, либо остаются тут навсегда, хоть и тешат себя мыслью, что обязательно вырвутся. Каждый раз, когда вижу разочарованных жизнью кассиров в магазине, радуюсь, что у меня есть такой трамплин. Ну ты должна меня понять. Твой папа тоже тебя сможет подстраховать в любом случае. Он же у тебя управляющий на заводе, да?

– Угу.

– Мой папа, кстати, хвалил его. Сказал, что он у тебя крутой руководитель и вообще умный очень.

– Куда ты хочешь поступать?

– В Москву, естественно. Я люблю повеселиться. Тут негде. Мы с друзьями уже со скуки мрем. А вы ведь в Москве жили, да? Как тебе?

– Было круто, – охотно отозвалась Леля, – у меня была компания близких друзей в старой школе. Мы постоянно что-то придумывали. Жорж, это мы так называли Геру, моего друга, умудрялся по знакомству протаскивать нас на закрытые вечеринки. Было невероятно весело! Мне не хватает сейчас...

– Ты с друзьями московскими общаешься еще?

– Нет, – чуть помедлив, ответила Леля, – не общаемся. И

мне, честно говоря, страшно одиноко. Совершенно... гадкое чувство. Такое ужасное ощущение всеобщей ненужности.

– Да, знакомо, – сочувственно улыбнулась Надя.

Леля и сама не могла понять, как она, такая закрытая, вдруг призналась в очень личном переживании едва знакомой девушке. Но объяснялось все очень просто: избитый человек с большой радостью и благодарностью хватается за того, кто первый присаживается около него, дает попить воды, промывает раны и окутывает сочувствием.

– А как ты справишься с тотальной ненавистью одноклассников? – спросила Леля. – Потому что я... со мной такого не было. В московской школе как-то сразу друзья появились... И не то чтобы я так уж ищу одобрения ребят, просто выматывает, понимаешь... Каждый день как на войне. Я умею удары отражать, но постоянно, это, понимаешь, совсем невыносимо.

Надя пожала плечами.

– Я уже легко к этой тотальной, как ты сказала, ненависти отношусь. Мне просто глубоко плевать. А еще мне их немного жалко.

– Почему жалко?

– Они не мы. Это у нас с тобой прекрасное будущее впереди и куча возможностей. А у большинства что? Ты же слышала эту девочку в туалете: родители на заводе получают копейки. Перспектив никаких: либо институт (но это для умных, а их мало), либо тоже завод. Вот они и злятся на

таких, как мы. Ну и пусть злятся! Разве я виновата, что мне повезло родиться в обеспеченной семье. Я когда узнала, что ты в нашу школу пришла, подумала, что к тебе нужно подойти.

– Почему?

– Таким, как мы, нужно держаться вместе. Не хочу казаться высокомерной снобкой, но это правда жизни. Есть те, кому повезло больше, а есть те, кому меньше. Последние злятся на весь мир, а первые идут семимильными шагами вперед. Не знаю, как тебе, а мне никогда не было интересно с теми, кто... – Надя задумалась, подбирая слова: – Ну... кому повезло меньше. Они как-то даже мыслят иначе: нешироко, несвободно. Унылые такие, всего боятся. Я вот ничего не боюсь. Уверена, ты меня понимаешь. Хочу попробовать все! Хочу проглотить жизнь большими кусками! И не боюсь подавиться.

Пока Надя говорила, Леля молчала и размышляла о ее словах. Иногда ей хотелось отшатнуться от собеседницы – таким недетским цинизмом веяло от всего ею сказанного, а потом все же Леля, вспоминая отдельные моменты жизни, соглашалась с ней. К концу их беседы она решила, что Надя своеобразная и вполне имеет на это право. Ее спокойствие и самоуверенность понравились Леле, запечатлев Надю в Лелиной голове как хорошую и приятную знакомую.

Перед выходом из кофейни, когда встреча подошла к концу, Леля забежала в женский туалет, а когда вернулась, Надя

что-то читала в телефоне уже полностью одетая.

– Слушай, – сказала она весело, – меня друзья пригласили потусить. Хочешь с нами? Ты говорила, тебе одиноко. У меня друзья нормальные, если что, можешь не переживать за безопасность там, выпивку...

– Я верю.

– Поедешь? От всей души приглашаю, правда. Мы круто посидели. Ты мне понравилась.

Леля улыбнулась:

– Почему нет? Спасибо!

8

Леля зашла в квартиру и осторожно прикрыла за собой дверь, надеясь, что папы еще нет. Снимая обувь, она покачнулась и случайно уронила ключи с тумбочки, на которую до этого бросила их. Ну и звон! Леля замерла. Едва слышно цокая когтями по паркету, пришел посмотреть на происходящее Филя. Больше никого. Кажется, папы нет, а тетя Таня наверняка прилегла подремать.

На всякий случай на цыпочках Леля кралась в свою комнату. Все так же цокая когтями по полу, за ней по пятам шел пес с абсолютным доверием наблюдая за действиями хозяйки.

Вот! Еще две двери – и Лелина комната. Там можно будет закрыться и закутаться в одеяло. Из-за приставучего, проби-

рающего до костей ветра Леля продрогла так, что вся тряслась, а ноги неприятно ныли, как перед болезнью. Только бы добежать... Только бы! Папа обычно не заходит в Лелину комнату, когда возвращается с работы, но, если они наткаются друг на друга в коридоре или на кухне, он считает нужным поговорить, а разговор не клеится, потому что глубокая обида на родителей намертво зашивала Леле рот, а все мысли Андрея Петровича были исключительно о новой должности – спасительной соломинке, которая не позволяла утонуть в мыслях более ранящих.

Вот наконец комната! И вдруг за спиной послышалось строгое папино:

– Сюда подойди.

Леля знала одну простую аксиому. Если хитришь и нарушаешь правила, есть два варианта: не попадешься и попадешься. В первом случае стоит радоваться и рисковать дальше, до тех пор пока не наступит второй случай. А вот если попадешься, стоит быстро искоренить в себе досаду на неудачное стечение обстоятельств и смело встретиться с неизбежным последствием. Дальше же, если хватит смелости, все снова с двумя неизвестными результатами. Леля всегда получала удовольствие от азарта и интриги: повезет ей в этот раз или нет. Первое время ей, воспитанной девочке, было ужасно стыдно перед родителями за то, что они ловили ее на проделках, но переставать она назло им не собиралась. И постепенно заматерела. Поняв, что сейчас после-

дует неминуемое наказание, она нисколько не расстроилась. Только подсадовала, что в кровать попадет не меньше чем через пятнадцать минут. А ноги ломило безбожно. Было бы неплохо поболеть пару дней.

В папиной спальне свет был приглушен. Горели только прикроватные светильники. Леля давно не заходила в эту комнату. А что ей здесь делать? Раньше-то она забегала утащить мамину тушь или кофточку, а теперь... Опустело. И даже папа здесь будто чужой, не хозяин вовсе.

Леля прошла по комнате и села в кресло около окна. Андрей Петрович снял пиджак и часы, ослабил галстук, закатал рукава белой рубашки (только вернулся с работы, поняла Леля) и устало опустился на край кровати напротив дочери. На прикроватной тумбочке Леля увидела пирог тети Тани и чай. Видимо, папа собирался перекусить.

– Где ты находилась в течение этого времени?

– В школе, – не моргнув глазом, соврала Леля. Дело привычное. Более того, Леля знала, что папа понимает, что она врет. А Андрей Петрович знал, что она это знает. Так он еще больше злился.

Дверь со скрипом приоткрылась, и в комнату вошел Фила. Со старческим вздохом в полной тишине он улегся у ног Андрея Петровича.

– Сегодня получил звонок от Ксении Михайловны. Она интересовалась состоянием твоего здоровья.

– Здоровья?

– Ввиду того, что ты не явилась на уроки, а твой одноклассник сказал, что ты заболела, она позвонила узнать, что именно случилось.

Леля на секунду озадачилась, кто ее прикрыл (неужели тот неприятный парень?), но потом эта мысль испарилась, и она сосредоточилась на разговоре.

– А ты что? – спросила она.

– Я уведомил ее, что в данный момент нахожусь на работе и обязательно уточню, как твое состояние. Позвонил Татьяне Николаевне, попросил ее передать тебе трубку и получил простодушный ответ, что ты еще из школы не вернулась.

– И что классная?

– Поскольку я тебе все-таки не враг (держишь ли ты эту мысль в сознании, я не знаю), я уведомил твою классную руководительницу, что ты страдаешь мигренями, особенно когда перенервничаешь. Она согласилась, что приход в новый коллектив – это стресс.

– Что ж, мудрый поступок, папа... – Леля собралась уйти.

Папа властным жестом велел ей сесть.

– Где ты находилась в течение этого времени? – повторил он.

Леля молчала. Через несколько минут тишины Андрей Петрович покачал головой, потянулся к кружке на прикроватном столике и хотел отпить чай, но как-то неудачно повел рукой, и чай выплеснулся ему на брюки. Андрей Петрович только устало прикрыл глаза, хотя Леля была уверена, что

внутри у отца все закипело от раздражения.

Леля встала, чтобы уйти. Папа ее не остановил, только сказал:

– Я не знаю, что с тобой делать, Лелька. Я так устал!

Леля замерла. Настолько по-человечески, без деловой сухости и с надломом это прозвучало, что она даже открыла рот, чтобы ответить искренностью на искренность, но что-то ее остановило. Она никогда не умела выражать свои чувства и даже намеренно сдерживала слезы, когда плакали все, – не хватало еще, чтобы кто-то увидел ее слабость.

– Се ля ви, – пропела Леля, все-таки решив, что не стоит папу пускать в душу.

В комнате, не раздеваясь, только сбросив джинсы, Леля в колготках и кофте забралась под одеяло. Удача, что папа не унюхал запах спиртного. Все-таки Надя и ее друзья сегодня влили в нее порядочно! И как было весело! Никаких нотаций, проблем, злых взглядов, зависти!

Леля распахнула глаза около четырех утра. Колготки неприятно давили на живот. Она стянула их до бедер. Когда живот перестал ныть, стало ясно, что проснулась она не из-за этого, а из-за колотящегося сердца. Леля понимала, что ничего страшного с ней не происходит. Вот ее комната, теплое одеяло, большое пятно на полу – это дремлющий Филя. Но отчего-то не могла успокоиться. Она ощущала знакомое с развода родителей чувство тревоги, беспомощность, будто залезла на высокую приставную лестницу, а та покачнулась.

Душа ушла в холодные от страха пятки.

Казалось, что вся жизнь – одна сплошная шатающаяся лестница и спуститься нет возможности!

Леля хотела встать и пройтись по комнате, может, открыть окно, но не было сил вылезти из-под нагретого одеяла. Она закрыла глаза и хотела уснуть, но не могла успокоиться. Ноги дрожали, хотя под одеялом было тепло, а бедра напряглись, как при приседаниях.

«Боже мой, пусть пройдет, пусть пройдет!» – думала Леля, сама не зная, что должно закончиться, потому что не находила разумной причины того страха, который испытывает.

Вдруг она догадалась, что надо отвлечь мозг. Сейчас он крутит только одну мысль: «Ужас!» Пусть сосредоточится на чем-то другом. Леля пыталась припомнить какой-нибудь стих, но она их не любила и не знала наизусть. Тогда решила сосредоточиться на песнях. В голову лез только репертуар таксиста, который вез ее домой, а он слушал «Короля и Шута». От песни о скелете в девичьем платье Леля чуть не заплакала и поспешно, будто нашкодивший котенок, удрала в другие мысли. Ей вспомнилось, как в детстве мама в приступе материнской любви иногда пела ей на ночь песню... Как же ее? Про корабль... Только там иначе... Крейсер! Крейсер «Аврора»! Вот бы сейчас строки вспомнить. Дремлет на-на-на северный город. Мокрое (или какое-то еще, не важно) небо-о-о над голово-о-ой... Что тебе сни-и-ится, крейсер «Аврора», в час, когда та-да-дам встает над Нево-о-ой. А

дальше? Боже мой, не вспоминается! Не важно! Дремлет... дремлет тада-дам северный город...

Раз за разом Леля заставляла себя сосредоточиться на детской песне, когда ужас накатывал с новой силой. Она знала, что главное – не дать слабину, не отвлечься на страх, потому что он унесет далеко-далеко. Не выплыть!

Постепенно слова песни стали звучать не так отчетливо в голове, притупились и другие чувства – Леля наконец уснула.

А наутро с трудом разлепила уставшие и опухшие от слез глаза (снился день после развода родителей). Виски и лоб беспощадно и безнадежно ныли.

– Мигрень, кажется, опять начинается, – как ветер в листве, прошелестела она почти без сил по дороге в школу.

– Есть таблетки? – папа бросил на нее быстрый взгляд.

– Да, выпила две уже. Можно все-таки дома отлежаться? Я вызову у школы такси и домой уеду.

Папа остановился у бордюра и посмотрел на Лелю внимательно.

– Вчера я наблюдал тебя вполне здоровой.

– Я плохо спала. Повлияло, наверное. Ты мне скажи, можно или нет? Надо, чтобы ты предупредил классную.

– Ввиду того, что я знаю о твоей так сказать особенности, я тебе, конечно, сейчас поверю, Леля. Но мы оба понимаем, что ты иногда злоупотребляешь...

– Боже! Да отсижу я эти чертовы уроки! Счастлив?

Леля не стала слушать, что там бубнит папа. В такие моменты он начинал говорить очень нудно и долго, как будто читал философский трактат без интонации. Кипя от возмущения и оскорбленная папиным недоверием, Леля шла к школе. Одноклассники снова стояли на ступеньках и громко смеялись. Где-то в глубине уставшей и пульсирующей Лелиной головы мелькнуло удивление: какой тут дружный класс. В ее старой школе все общались стайками.

Когда она поднималась по ступенькам, какая-то высокая девочка сказала:

– И это Машке-то мозгов не хватит на дорогую тачку? А самой? В гуманитарной гимназии училась, а на литературе и двух слов толковых сказать не могла.

Леля посмотрела на эту девочку, но не увидела ее – все расплывалось. И в голове от резкого поворота головы, будто два поезда столкнулись, скрежет, шум, крик, удар... Все-таки самый настоящий приступ. А она так надеялась, что обойдется.

Леля ничего не ответила, поспешила войти в здание и начала рыться в сумке в поисках таблеток. Нужно выпить еще одну, и станет легче, не так мучительно... С каждой минутой становясь все злее и нетерпеливее, Леля потрясла сумку и вывалила содержимое на диванчик в коридоре. Нет! Таблетки она все-таки забыла. Ладно, нестрашно, подумала Леля, собирая трясущимися от боли руками вываленные учебники и тетрадки. Есть еще медсестра! Леля быстро добралась до

ее кабинета. Подергала. Заперт.

– А где?.. – спросила она у уборщицы, не найдя в себе сил даже договорить.

– Приходит обычно после второго урока.

Сорок пять минут – это она сможет вынести. А потом ей дадут еще одну обезболивающую таблетку. Как же она могла оставить упаковку на столе!

Добравшись до класса, Леля сразу села и положила голову на прохладную парту. Звонок огрел ее по голове похлеще чугунной сковородки. Как сквозь толщу воды она услышала, как ученики задвигали стульями и встали, видимо, учитель вошел.

– Good morning!

Класс недружно прогудел: «Good morning, Anna Romanovna».

На секунду воцарилось молчание. Леля не могла угадать по звукам, что происходит. А потом услышала:

– Это новенькая. Да не обращайтесь на нее внимания, она всегда такая...

– Как зовут? – очень тихо спросила учительница.

– Оля Стрижова, – ответил кто-то.

Быстрый топот каблучков. Лелю неприятно обдало прохладным воздухом, отчего по телу побежали мурашки.

– Оля, у вас все хорошо?

Леля с трудом подняла голову и наткнулась на улыбочивые глаза. Учительница совсем молоденькая, наверное, толь-

ко институт окончила. И обращается по институтской привычке еще на «вы». Взрослые учителя только тыкают.

– Голова, – поморщившись, ответила Леля.

– Болеете? Может, вам к медсестре.

– Болеет-болеет! – со смехом крикнула Маша. – На голову больная!

Все засмеялись. А в Леле вдруг поднялась такая ярость, какую она давно не ощущала и которая, будто скопировав силу головной боли, вмиг разрослась до таких же масштабов. Скорее всего, дело было в громком, звонком и ужасно противном Машинном голосе.

– Медсестры нет на месте, – сказала Леля учительнице, стараясь не обращать на Машу внимания.

– Да? А вы когда ее искали? Я вот на урок шла и видела, как она дверь открывала. Вы идите, посмотрите. А то бледная совсем. Вам дать кого-то в сопровождающие? Упадете еще в обморок...

– Не надо никого.

Леля поднялась и, сгорбившись, пошатываясь, пошла к выходу из класса. Она старалась лишний раз не шевелить глазами и даже языком, чтобы в голове не проносилась холодная молния.

– Боже мой, какие мы нежные, – догнал ее звонкий Машин шепот, который намеренно звучал громко. – У нашей барышни головка болеть изволит. Папочка, наверное, сейчас примчится утешать. Интересно, а если я ее пальчиком заде-

ну, заплачет?

Леля не могла сказать, откуда взялись силы. Просто раненый пушистый зверек внутри нее, который только что стонал от боли, вдруг превратился в огромного косматого зверя: то ли волка, то ли медведя – и с горящими глазами кинулся на добычу. Вмиг Леля оказалась около Маши, схватив перед этим грязную тряпку, которой вытирали доску, и затолкала Маше в рот. Маша завизжала и замотала головой, отталкивая от себя Лелю. В классе поднялся шум. Все повскакивали со своих мест. Растерянный вскрик Анны Романовны утонул в шуме отодвигающихся стульев и гомона.

Леля схватила Машу за волосы и с усердием потянула. Девчачий визг стал еще выше и звонче. Маша заколотила кулаками по Лелиным рукам и груди – куда попадала. А Леля прошептала:

– Видишь, плачешь тут только ты.

Вдруг кто-то схватил Лелю почти за шкурку, как котенка, и оттащил от Маши.

– С ума сошла, что ли! – раздраженно сказал Илья и встал между девочками, расставив руки. Где-то позади него мелькало взволнованное и бледное лицо Анны Романовны.

– Вы видели?! – дрожащими губами пролепетала Маша, вытащив наконец изо рта тряпку. – Видели?! Ненормальная! Больная! Психованная!

– Да помолчи ты, – поморщился Илья, – тоже хороша! А ты? – он внимательно посмотрел Леле прямо в глаза. – Со-

всем тормозов нет? Бить – это последнее дело.

Лелю, как и любого человека, который уже совершил неблагоприятный поступок, страшно раздражали те, кто смотрел на нее с видом праведника. Хотелось назло таким стать еще хуже, только бы не дать понять, как на самом деле тоже хочется оказаться на этой вершине нравственности. Леля собиралась ответить Илье, не сдерживаясь в выражениях. Но вдруг та боль, которую она выплеснула на Машу, вернулась к ней в утроенном виде. Леля потеряла виски, в глазах стало мутнеть, и к горлу подкатила тошнота. Она покачнулась. Илья успел придержать ее за локоть.

– Ты чего? – испугался он.

– Ой-ой! – возникла вдруг рядом Анна Романовна. – Все, пойдем к медсестре. Если ее нет, «Скорую» вызовем. Так, – она повернулась к классу, – вы все сидите тут и ждите меня. Илья! За главного! Сделай так, чтобы больше никого не избили, не выкинули в окно и не повесили на собственных косах.

На лестнице Анна Романовна, осторожно придерживая Лелю под локоть, помогла ей спуститься с третьего этажа. Еще издали Леля с облегчением заметила, что дверь в кабинет медсестры открыта настежь и там расставляет папки с документами женщина в белом халате.

– Что это тут у нас? – спросила она, когда Анна Романовна ввела Лелю.

– Я не знаю. Пошатнулась, побледнела... – растерянно на-

чала учительница.

– Мигрень, – коротко сказала Леля, потирая виски пальцами. Боль перекатывалась под подушечками.

– Ох-ох-ох, – покачала головой медсестра. – Мигрень... Давно у тебя так?

– С детства. Всю жизнь. Я таблетки обезболивающие не взяла.

– Это плохо, что не взяла. У нас тут ничего сильнее парацетамола нет.

– Я пойду. У меня там дети в классе, – сказала Анна Романовна. – Оля, я позвоню сейчас твоей классной руководительнице. У тебя кто?

– Не надо, сама разберусь.

Анна Романовна хотела что-то еще сказать, но, видимо, не нашла слов и быстро вышла из кабинета.

– «Скорую» вызвать? – спросила медсестра, меряя Леле пульс.

– Лучше домой отпустите.

– Домо-о-ой, – протянула медсестра. – А может, у тебя не болит ничего? Врешь, может? Что у вас, контрольная, что ли?

– Ну хотите, папе позвоните. Он вам скажет. «Скорую» не надо, потому что толку от нее нет. Они только укол ставят, а он особо не помогает. Мне мои обезболивающие гораздо лучше помогают. А они дома. – Все это Леля говорила очень медленно, едва ворочая языком.

Видимо, выглядела она правда болезненно, потому что медсестра сочувственно оглядела ее и сказала:

– Ладно, выпишу тебе освобождение. Как домой добираться будешь?

Леля пожалала плечами.

– Номер отца диктуй, – сказала медсестра, ища на столе под грудями белых бумаг телефон.

9

В постели Леля провалялась два дня, и еще один день у нее ныли виски так, что ходить и есть она уже могла, но полноценно жить – еще нет. Папа все это время пропадал на работе и заходил к ней только поздно вечером, когда она уже проваливалась в сон после обезболивающих, хотя его присутствие в комнате все равно ощущала.

Мама пару раз звонила, но у Лели болели глаза, и она не могла даже на секунду посмотреть в экран телефона. Вообще в ее комнате во время приступов мигрени всегда стояла полутьма. От света становилось хуже и даже начинало тошнить.

Леля слышала, как папа ходил туда-сюда около ее дверей и говорил с мамой:

– Да, снова началось. «Скорую» вызвать не разрешает... Нет, не вижу поводов для беспокойства. Твой приезд тоже необязателен... Если что-то случится, наберу.

Ухаживала за Лелей в основном тетя Таня, хотя Леля терпеть не могла, когда во время приступов оставалась с ней один на один. Родители-то люди спокойные, много раз беседовавшие с врачами, уже без истерик и лишних волнений реагировали на Лелину боль, знали, что нужно приглушить свет, задернуть шторы, сварить слабый бульон, приносить воду и оставить ее одну, в тишине. А тетя Таня искренне считала, что лучшая забота – это жалеть от всей души, поэтому без конца носила Леле чай и шоколад и громко, будто нарочно, причитала: «Бедный ты мой ребенок!» Леля морщилась и притворялась спящей, тогда тетя Таня замолкала и на цыпочках, волоча за собой Филю за ошейник, покидала комнату.

Через три дня боль совсем ушла. Леля с тоской отправилась в школу. Она знала, что приступ был только передышкой, а настоящая мигрень ее ждет за школьными дверями.

Когда она вошла в класс, все на нее смотрели зло. Леля была к этому готова, поэтому не растерялась и спокойно направилась к любимой последней парте третьего ряда. Положила перед собой сумку, надела наушники и положила голову на стол. Хотелось спать. В голове крутились мысли: «Почему так у нас все началось? Почему я всегда на ножах с окружающими? Как я устала!.. Боже мой, как я устала!..»

Открыла глаза Леля от резкого осознания того, что над ней кто-то стоит. Она быстро подняла голову. Сонечка.

Леля снова удивилась, какие у этой девочки глаза хоро-

шие, искренние! И главное – большие! Будто чтобы каждый видел, что ничего плохого в этой душе не таится, ищи – не найдешь.

– Как ты? – спросила Сонечка вроде даже со стеснением.

Леля не любила такие вопросы. Она считала, что человеку на самом деле наплевать на ответ. Очевидно, что вопрос задался просто ради начала разговора.

– Ты что-то хотела? – спросила Леля жестко. Она боялась слишком рано стать доброй, вдруг Сонечка только с виду полевой цветочек, а на деле... Что там Маша так уставилась? Вдруг захотели посмеяться?

– Нет-нет, ничего не хотела. Просто слышала, как Ксения Михайловна с медсестрой разговаривала о тебе. Они говорили о твоих мигренях, я потом еще в интернете посмотрела, почитала... Так это все страшно! Вот и спросила, как ты...

– Спасибо, все прошло.

– А это у тебя из-за чего?

– С детства. Врачи во время родов налажали, в шее что-то повредили.

– А это лечится?

– Только гильотиной.

– Соня, да что ты там с этой... – крикнула Маша.

– Подожди, – оглянулась Сонечка.

Они замолчали. Леля недоумевала, зачем она подошла к ней, а Сонечка так и продолжала стесняться. Не решившись на что-то, она, пожелав здоровья, вернулась на свое место.

Леля хотела снова надеть наушники, когда услышала сердитый окрик.

– Слушай, ты!.. – сказала Маша, всем телом оперевшись на кулаки, которые поставила на парту. Класс с интересом затаил дыхание. – Если думаешь, что я просто забуду, что ты мне в рот тряпку запихнула, даже не думай!

– Да успокойся уже, – сказала Леля.

– Если ты думаешь, что тебе тут, такой королеве, все можно: и за волосы таскать, и плакать из-за больной головки, то вот нет! Нет! Мы тут все равны, вообще-то. И уж поверь, директор уже знает обо всем.

– Стукачка несчастная, – бросила Леля зло и отвернулась к стене. В наушниках специально сделала музыку громче, чтобы не слышать, что говорит ей Маша.

В класс вкатилась Зоя Ивановна, тяжело дыша и с трудом переставляя маленькие пухленькие ножки.

– Садимся-садимся, дети мои, – удивительно бодро и звонко сказала она, – успокаиваемся.

Леля вздохнула. Она не выносила точные науки, хотя ради справедливости стоит сказать, не потому, что ничего не понимала и была круглой душой, как ее назвала Маша, а просто потому, что ленилась сидеть над учебниками. Недостаток теоретических знаний мешал Леле продумывать верное доказательство в задачах, хотя на уроке она схватывала все быстро.

Тем временем Зоя Ивановна уже зачитала условие и спро-

сила, кто хочет к доске. Все молчали.

– Илюша, давай ты!

– Задача легкая, может, кто-то еще хочет попробовать, – откликнулся Илья.

Ах, конечно, для этого всезнайки все очевидно. Леля пробежала глазами такое огромное условие, что к его концу уже забыла, с чего оно начиналось. Не увидев других желающих, которым так любезно уступал, Илья все же вышел отвечать. Он быстро исписал полдоски. Леля не успевала за его мыслью.

– Стой! – звучно сказала Зоя Ивановна, оторвавшись от маленького зеркальца, в котором проверяла, как лежит малиновая помада на губах. – Ты пропустил несколько действий.

– Они же простые. Я в уме их сделал. Мне кажется, все это понимают.

Поразительное простодушие. Они же простые. Конечно, легче легкого. Раз плюнуть. Как два пальца об асфальт. Проще пареной репы.

Ну что за человек!

– Илюша, на факультатив ходишь только ты, поэтому нужно объяснять.

Илья нахмурился. Было видно, что мысль его далеко впереди, и тратить время на объяснение элементарного, как он считал, ему не хотелось. Но пришлось подчиниться. Но даже с его короткими объяснениями Леля не поняла многие

пункты, а спрашивать не стала: слишком неудобно она себя чувствовала в классе. Леля оставила попытки угнаться за Ильей и весь оставшийся урок сверлила взглядом его затылок и подпитывала внутри чувство большого, едкого и искреннего раздражения.

После уроков Ксения Михайловна ждала Лелю около раздевалки.

– Завтра пойдем к директору, – сказала она неодобрительно. – Он хочет обсудить твоё поведение.

Леля вышла из школы в плохом настроении. Кажется, сколько раз ее уже отчитывали в кабинете директора за всю жизнь? Не сосчитать! И причины были разнообразными: курение в туалете, опоздания, прогулы, вызывающий внешний вид... Но почему-то в этот раз стало особенно обидно, и сил, чтобы пережить нападение, она в себе, как назло, не могла найти: сказывалась слабость после мигрени.

Стояли холода, но снег еще не выпал. Леле было жалко эту оледеневшую, погибающую землю и кричащие в плаче от пронзительного ветра деревья. Снег их укрыл бы, спас. Но нет снега. Только беспощадно нависает суровое небо, затянутое серыми, почти бесцветными тучами.

Леля наступила на заледеневшую лужу. С нежным тихим треском разбежалась по ее поверхности паутинка.

– Леля! – услышала она оклик позади и удивленно обернулась. Кто мог ее звать? За две недели она не завела приятельских отношений ни с кем, кроме Нади, но та почему-то

в школе не появлялась.

От школьных ворот к ней быстро шла Сонечка. Одета она была простенько. Дубленка явно старенькая, кое-где торчали нитки. Шапка как из Лелиного детства: белая, шерстяная, похожая по форме на каравай с прорезом для лица. Сапоги черные, с тупым носом, такие, Леля отметила, уже лет десять не в моде. Когда они поравнялись, раздумываясь на морозе Сонечка выглядела очень мило, из ее рта легкой дымкой вылетал теплый воздух.

– А ты где живешь? – спросила Сонечка.

Леля назвала район.

– Ой, это совсем другая сторона... Но давай до остановки вместе дойдем, ты не против? Или ты такси ждешь?

– Давай дойдем.

Шли в молчании. Леля с интересом ждала, что будет дальше. И снова на миг ей стало страшно: что, если обманет, подставит? Машина ведь подружка. Кто их знает...

Свистел ноябрьский безжалостный ветер.

– Холодрыга какая! – Сонечка поежилась и втянула голову в плечи. – Тебе не холодно в такой короткой куртке?

– Нормально.

– Знаешь, мне очень нравится твой макияж.

Всегда так ярко, блестки... Я ни за что не решилась бы так!

– А что в нем такого, что ты не решилась бы?

– Ну как... Все будут смотреть, удивляться. А такую яр-

кость надо суметь выдержать. Нет-нет, мне хотелось бы спрятаться.

– Послушай, – вдруг вырвалось у Лели, – а ты не хочешь посидеть в кофейне? Вот там чуть подалее есть. Я как-то заходила со знакомой, кофе был вкусным.

– Кофейня... – Сонечка замялась и посмотрела в ту сторону, куда указывала Леля. – А сколько там... Какие там цены?

– Ты не была никогда? Ну рублей двести за чашку.

Глаза Сонечки округлились, и она шепотом повторила:

– Двести? Ого!

– Я угощу.

– Ой, нет-нет, что ты! Что ты!

Леля не стала ее мучить. Они пошли дальше, к остановке.

Пока ждали Сонин автобус, Леля сказала:

– Откуда ты такая добрая?

– Почему добрая?

– А какая? Меня весь класс ненавидит, а ты общаешься.

И в классе, когда смотрю на тебя, вижу только сочувствие в глазах, добро.

– А мне не кажется, что я добрая. Моя соседка баба Муся всех котят кормит, каких видит. Ей однажды самой есть нечего было – всю пенсию потратила на них. Вот она добрая, а я... не знаю. А за что мне тебя ненавидеть?

– Все ненавидят. За то, что у меня отец управляющий.

Сонечка пожала плечами:

– А мне как-то не думается, что людей надо определять по их доходам или работам. Социальный статус ведь как лед: чуть солнышко засветит – и все растает. И уже становится важно только то, что этот лед прикрывал. Мне совершенно не хочется и незачем тебя не любить. И ты вот говоришь. «Все ненавидят», так, по-моему, здесь самый простой физический закон работает: сила действия равна силе противодействия. Ты когда-нибудь оттягивала резинку для волос, надетую на запястье, а потом отпускала? Она шлепнет так же, как ты ее оттянула.

– Я не ненавижу их. Я просто очень устала.

– Так и они не ненавидят тебя. Просто не понимают, что какая ты с ними, это не вся ты.

– А ты, получается, понимаешь и видишь меня настоящую?

Сонечка продолжила, не заметив насмешки в Лелиных словах:

– Кто ж знает, настоящую я тебе вижу или нет. Я просто считаю, что ты вот такая, какая есть на данный момент. Если бы ты была другой, ты бы была другой. А если уж ты такая, то и точка. Вот стала бы ты презирать небо за его голубизну? Это ж просто миропорядок такой, поэтому лучше любить голубой, чем всю жизнь на ненависть убить. Вот так я мыслю. Я очень стараюсь любить людей такими, какими они передо мной предстают. А маска это или истинная сущность – не так важно. Я учусь любить и то и то, потому что это все части,

из которых составляется человек.

Приехал автобус. Сонечка с улыбкой помахала Леле рукой и уехала.

10

Разговор с Сонечкой подействовал на Лелю как жаропонижающее на больного гриппом. Утром следующего дня она проснулась, полная каких-то оптимистичных и всепрощающих сил, даже не расстраиваясь из-за предстоящего разговора с директором. Вот же, думала она, вот же ответ! Такой простой и правильный: надо принять, а не злиться! И к людям быть терпимее, иначе шлепнет (тут она вспомнила Сонечкин пример с резинкой на запястье) с той же силой! Ей хотелось соскочить с постели, забежать утром в магазин, купить килограмм конфет и зайти в класс с улыбкой, сказав: «Что мы с вами в самом деле как злыдни какие-то живем! Давайте спустимся в столовую и чаю выпьем!» И она даже действительно попросила папу остановиться около супермаркета.

– Не припомню твою особенную склонность к сладкому, – сказал папа, поглядывая на кулек вафельных конфет.

– Я в школу, хочу отношения наладить.

– Да, я хотел переговорить с тобой по поводу школы... – Папа замолчал. Леля миролюбиво ждала. Сегодня весь мир казался ей светлым, радостным. И она была терпелива к лю-

дям как никогда в жизни. – Имеют ли место обиды или травля по отношению к тебе?

– Ну мы конфликтуем, конечно...

– По каким причинам?

– Разные-всякие.

– Уточню, из-за моей работы?

Леля растерялась. Она могла бы сказать, что ее подстегают из-за дорогой машины, но ей вдруг показалась, что папа спрашивает о чем-то более серьезном.

– Нет, – помедлив, ответила она.

– И хорошо. Если нечто подобное начнется, сообщи мне.

Машина остановилась около школы. Леля попрощалась с отцом и вышла. Первые несколько сотен метров она шла бодро, полная уверенности, что сейчас непременно все хорошо и счастливо разрешится, она улыбнется ребятам – и они сразу же растают. И, быть может, даже Маша предложит ей дружить.

Но чем ближе Леля подходила к школьным ступеням, на которых уже издали увидела знакомые силуэты одноклассников, тем медленнее становился ее шаг и тем мрачнее казался день. Она вдруг четко поняла, что мир и жизнь не живут по сценариям мультиков и одна проникновенная речь не может припаять к минусу палку, чтобы получился плюс.

Вот сейчас она подойдет к одноклассникам, протянет конфеты... Да ребята рассмеются ей в лицо! И правильно сделают, размышляла Леля, что за детский сад в самом деле. Ку-

лек конфет! Смехота! Позорище! А какое это будет унижение! Самое ужасное из всех существующих – когда осмеют искреннее намерение.

Но если не попробовать?.. Вдруг! Ведь может так случиться, что все получится. Может, они не посмеются? И ведь там среди них Сонечка. Уж она-то поможет, непременно встанет на ее сторону. А с другой стороны, почему она так полагается на Сонечку? Обмануть могут в любой момент... В любой! Вдруг у них с Машей какой-то план?..

И все-таки, несмотря на тревожные размышления, Леля остановилась рядом с одноклассниками и негромко поздоровалась. Все мигом уставились на нее: кто-то удивленно, кто-то с интересом, а Маша с такой страшной, совсем недетской злобой, что у Лели сердце ухнуло вниз от понимания, что ничего одним кульком конфет не изменишь. И только Сонечка приветливо улыбнулась, из лучистых больших светлых глаз ее лился свет одобрения, подбадривания.

Но Леля не решилась. Скомканно улыбнувшись, она расправила плечи и быстро прошла мимо одноклассников, чувствуя, как в сумке шуршат конфеты.

Еще хуже стало на уроке истории. Ее вызвали отвечать, а Леля с первого класса плохо запоминала даты, города и военные факты. Она считала, что достаточно знать что-то в общих чертах, а детали уже можно погуглить, если возникнет необходимость. Но учительница истории не была с ней согласна и долго мучила Лелю вопросами о последних Рома-

новых и отстала, только когда уставшая Леля случайно сказала, что последний наследник Российского престола Алексей Николаевич болел редкой болезнью педофилией вместо гемофилии. Класс взорвался смехом, а учительница, с которой Леля еще в начале урока поспорила из-за своего внешнего вида, с нескрываемым удовольствием поставила ей два в журнал. На перемене каждый одноклассник считал своей задачей объяснить Леле как дура, чем одно понятие отличается от другого. И в Леле закипели прежнее раздражение и желание отчужденности.

После последнего урока у кабинета ее поджидала Ксения Михайловна.

– Ну идем, Сергей Никитич ждет, – сказала она, обдав Лелю всеми запахами, которые можно почувствовать, пройдя летом после дождя около цветочной клумбы. На улице это обилие ароматов наполняет легкие свежестью, а в помещении хочется сунуть голову в воду, только бы перестать задыхаться от сладости аромата. – Ну зачем же ты так сразу на рожон!.. – добавила Ксения Михайловна с досадой. И было в этой досаде что-то не человеколюбивое, а трусоватое. Так может сокрушаться человек, который случайно угодил под раздачу из-за другого.

Пройдя мимо тихой старушки-секретаря, они постучали в ободранную и пошарпанную дверь бывшей бухгалтерии.

– Входите-входите! – послышался бодрый голос.

В ноздри ударил все тот же уютный запах дешевого рас-

творимого кофе. Сергей Никитич что-то читал, облокотившись о стол. Леля села в кресло напротив, Ксения Михайловна встала позади.

– Сергей Никитич, – подала голос классная руководительница, – Оля Стрижова, как вы и сказали.

– Добрый вечер, Леля. Чудесный день! Птички замерзают на лету, и ничего не помешает нам побеседовать о...

– Птицы на юг улетели.

– Как это, а воробьи? А синички? Голуби, в конце концов!.. Так, Леля, на тебя жалуются. Тебе самой-то зачитали обвинение или ты не знаешь, за что задержана?

Леля вздохнула.

– Знаю.

– Конечно знает! – подала голос Ксения Михайловна. – Как она может не знать, что провинилась. Прекрасно знает!

Леле стало неприятно, что Ксения Михайловна стоит у нее за спиной. Говорить хотелось только с директором.

– Хорошо, Ксения Михайловна, хорошо. Я вас понял. Хотите чаю, кофе?

– Не откажусь, да.

– Попросите у Марьи Георгиевны, она вам вкуснейший кофе заварит. Вкуснейший!

И классная руководительница, опора учеников, стена, которая должна защищать своих подопечных от любых ударов, обрадованная тем, что сможет пересидеть у секретаря надвигающуюся неприятную сцену, поспешно вышла.

– Что, Леля, тяжело вливаться в коллектив? – спросил директор со вздохом.

– Непросто, конечно.

– А особенно непросто, когда обретаешь острые края и даже не пытаешься смягчиться, только режешь и режешь все, что рядом.

– Они, знаете, тоже...

– Все хороши, не спорю! Вот чему меня научила школа, так тому, что встать на сторону одного почти невозможно и даже неэтично. У детей много причин, и даже уважительных. Другой вопрос, что нам, взрослым, имеющим определенный жизненный опыт, эти причины кажутся пустяковыми. Да?

Леля промолчала. Она все еще не понимала, что директор за человек. Как с ним держаться? Вдруг только с виду радушие и гуманизм, а внутри... как осадит!

– Тоже выговор в личное дело запишете? – скучающе спросила Леля.

– А будет толк? Ну вот и я думаю, что нет. Если бы личное дело было как-то связано с твоим мозгом или там... с душой. Чтобы, например, пишешь в нем, а у тебя это отпечатывается внутри, тогда красота! Педагогика была бы не нужна!

– Да, Ксения Михайловна пришла бы в восторг.

Директор проигнорировал ее реплику. Видимо, обсуждать учителей с ним не стоит, он не опускается до этого.

– Я все-таки считаю, что надо пытаться к людям тянуться. Это, знаешь, как к звездам. Всю историю человечество смот-

рит на них, мечтает, тянется – и лучше становится. Не смотрел бы Коперник на небо, не было бы открытия. Тянуться – хорошая вещь.

Леля снова промолчала. После сегодняшней моральной неудачи она никак не могла пообещать, что наладит отношения с одноклассниками. Более того, она уже стала сомневаться, что ей этого хочется.

– Я как-то могу помочь? В выходные мы пойдем жарить сосиски. Это у нас частая практика. Согласись, смена обстановки всегда освежает отношения.

– Я не люблю походы, костры и сосиски, – сказала Леля скорее из вредности, чем правду. Именно в этот момент мерзкий шут, гаденько хихикая, схватился за нити и стал трясти ими.

– А вот тут я тебя переиграю! Воспользуюсь своим служебным положением и в субботу поставлю свой урок. Будем на литературе и русском в лесу стихи читать. Видишь, какое приятное отсутствие выбора.

На этом и разошлись.

11

В субботу у Лели не было никакой возможности избежать школы. Папа в выходные если и работал, то дома, поэтому, когда заспанная Леля в восьмом часу утра появилась в столовой, он с подозрением оглядел ее и уточнил, помнит ли

она, что у нее шестидневная учебная неделя.

Леля могла бы сделать вид, что у нее болит голова и стоит отлежаться, но врать о таком страшно. Слишком мучительны приступы мигрени, чтобы лишний раз о них вспоминать, поэтому Леля, не придумав больше ничего уважительного, сказала:

– Ну можно ведь иногда и отдохнуть. Что будет, если я один раз не пойду.

Разговор был короткий – Андрей Петрович вызвал Леле такси.

– Скажите, а если мы поедем куда-то еще, это отразится в приложении того, кто вызвал? – спросила Леля водителя.

– Да.

– Ясно. Ладно уж тогда...

Такси остановилось у школьных ворот как раз в тот момент, когда Лелины одноклассники, шумя и веселясь во главе с директором, хотели выдвигаться в сторону хвойного леса, который в их маленьком городе был в десяти минутах ходьбы от школы.

– Вот и Леля Стрижова! Точность – вежливость школьница. Все, все в сборе?! – крикнул директор. – Выдвигаемся!

Одет Сергей Никитич был по-походному: спортивный костюм, поверх которого он накинул старую дубленку, и смешная красная шапка с черной помпушкой. Все ребята разбились по парам или группкам и с веселым шумом направились за директором. Леля заметила, что кто-то из мальчиков

ташил шампуры, а кто-то даже гитару прихватил.

Леля шла позади всех одна и прислушивалась к себе. Странно и ново – быть таким вот стандартным, всем известным изгоем. В прежней школе они с Жоржем были главными весельчаками школы. Ни одна вечеринка не проходила без них, и именно они собирали вокруг себя огромную компанию. Ох это безумное, почти содомское веселье стало тогда райским спасением для Лели, которая была готова на все, лишь бы не идти домой и не вспоминать, что родители разводятся. Леля отдавала себе отчет в том, что ей не хватает этой популярности сейчас. Да, все друзья, которые так весело проводили с ней и Жоржем время, ни разу не позвонили ей после того, как она перешла в новую школу, но все-таки было так приятно заходить в класс и слышать, что тебя рады видеть. Холодная война в новой школе далась бы Леле еще сложнее, если бы она четко не осознавала, что сама стала причиной такого нерадушия. Радовало, что дело не в том, что она неинтересна одноклассникам, а в том, что она просто груба. Любой скажет, что лучше быть плохой, чем никакой.

Леля подняла голову к базальтовым тучам. Кажется, будто небо хочет чихнуть и никак не может. Поскорее бы пошел снег. Невыносимо это тихое безнадежное умирание.

Леле было скучно, и она пожалела, что не взяла наушники.

Выдохнув в небо пар изо рта, Леля перевела взгляд на одноклассников. Девочки сбились в стайку, как воробушки, и

тихо, мелодично чирикали о своем. Леля поискала глазами Сонечку. Не нашла и расстроилась. Пожалуй, только с ней она и могла перекинуться словом или подойти, чтобы не было так одиноко.

Громко засмеялась Маша, откинув голову назад. Леля поморщилась. Какой раздражающий смех! Не тихий, а визгливый.

Подал голос Илья, что-то спросив у директора. Он шел рядом с ним всю дорогу. Стоило Леле оглядеть его: изогнутый орлиный нос, сжатые губы, – как накатило желание показать язык со всей злости. Она помнила, что он прикрыл ее, сказав, что она болеет в первые дни учебы, но раздражение от его ума и знаний, которые он постоянно демонстрирует, было сильнее.

Дошли до уютной полянки напротив застывающего пруда. Директор с мальчиками стал разводить костер, девочки вытаскивали из сумок сосиски, зефир и термосы с чаем. Леле стало неловко, что она пришла с пустыми руками, и тут же разозлилась на одноклассников, которые поставили ее в такое положение, что она чувствует себя нахлебницей: неужели нельзя было попросить скинуться!

– Ну что, – сказал директор громко, нанизывая сосиски на шампур, – раз у нас с вами русский и литература сегодня в обстановке самой поэтической, давайте я вас всех по правильным ударениям погоняю. Кто ответит правильно, тот подходит и забирает сосиску, а кто неправильно...

– ...бросается в пруд! – пошутил Федя, высокий, как сосна, худющий мальчик.

– Нет, в пруд – это нехорошо. Мне все-таки желательно привести вас в школу в том же составе. Кто неправильно ответит, будет подвержен фонетическому огню: пока не даст верный ответ, еды не получит. Суровая школа жизни. Так, давайте! Кто первый?

Игра продвигалась быстро, сосиски не успевали поджариваться, и у костра образовалась небольшая очередь.

– А вот зачем нам эти ударения, Сергей Никитич? Зачем мне знать, что правильно вероисповЕдание, а? – сказал кто-то из мальчиков в этой кучке у костра.

– Как! А чтобы осекать себя каждый раз, когда хочется неграмотного соседа в лифте исправить, и чувствовать интеллектуальное превосходство. Вот захожу я сегодня в лифт. Слышу, двери на этаже открываются, люди выходят. Думаю, подожду. Придерживаю лифт, а до меня доносится: «Ехайте, ехайте!» Ну я сразу же себя мысленно треснул по рту, который хотел сказать: «Литературная норма предлагает другой вариант». Зато как приятно стало, что я знаю, какую форму правильно образовывать от слова «ехать» в повелительном наклонении. Так, кому сосиску?! Граждане голодающие, подходите!

Леле было неуютно, и она встала подальше ото всех, хотя живот урчал: она не поела дома. По полянке разносился аппетитный запах жареных сосисок. Все, занятые их поедани-

ем, не обращали на Лелю никакого внимания, и она с тоской поглядывала на часы в телефоне, ожидая, когда закончится этот скучный пикник, на котором ей не рады, и она сможет зарыться в одеяло у себя в комнате и поспать.

Вдруг Леля встретила взглядом с директором. Он задумчиво оглядел ребят, стоявших у костра, и ее, прижавшуюся к холодному стволу сосны. Она быстро отвела взгляд и тут же услышала, как Сергей Никитич громко говорит:

– Ну что, кто гитару притащил? Петь будем или нет!

– Будем! – отозвались все.

Полянка их, видимо, уже давно используется для пикников, потому что длинный, как одна сторона автобуса, срубленный ствол стал сиденьем для почти всего класса. Кто не поместился, встали напротив или сели на корточки. Леля, несмотря на красноречивые взгляды директора, к одноклассникам не подошла.

Федя, который и притащил гитару, уселся в середине, провел несколько раз по струнам, погрел ладони дыханием и заиграл. Ребята вразнобой подпевали. Леля смотрела на все это с грустью. Она и сама не могла бы себе объяснить, почему ей так хочется быть частью этого чистого веселья. Она имела независимый характер, не страдала из-за чужого неодобрения, могла быть одна, если ей не нравилась компания, но такой лишней и ненужной она еще никогда себя не чувствовала. Леля пыталась убедить себя, что нет ничего страшного в сложившейся ситуации, что это только закалит ее характер,

но сердце, скучающее по искрящему веселью и поникшее от неутихающей тоски, рвалось к поющей под гитару компании.

– Так, слушайте, – сказал Федя, – у меня уже пальцы от холода к струнам примерзают. Кто еще умеет? Поиграйте, а! Сергей Никитич, может, вы?

– Да я уже забыл все аккорды. Последний раз в армии играл.

– Ребят, ну кто умеет еще? – спросила Маша громко, оглядывая всех. На Лелю она даже не посмотрела.

Зато Сергей Никитич с улыбкой взгляделся в Лелины глаза. Она вдруг вспомнила, что в ее личном деле есть упоминание о том, что она выступала на школьных праздниках с гитарой и даже получила за это благодарственную грамоту. Это было еще в седьмом классе. Ах, боже мой, подумала она, Сергей Никитич знает, что она умеет играть.

– Леля, – сказал директор громко, – может, ты нас выручишь? Так хорошо сидим!

Хитрый педагог! Если бы Леля сейчас сказала «нет», все мосты были бы окончательно сожжены. Она прислушалась к себе: готова ли к ненависти и неприязни, которые навсегда поселятся в глазах ее одноклассников? Может быть, год назад, погруженная в свою семейную беду, она и вынесла бы все неприятности разрушенных социальных отношений, но сейчас ей показалось, что хотя бы в школе она может попробовать обрести приют добра и дружбы. И, если так, почему бы не попробовать?

– Да, могу. Умею...

Леля подошла к ребятам и неловко остановилась. Они сидели плотно друг к другу на стволе, как попугаи.

– Садись, – встал Илья и указал на свое место.

– Спасибо...

Федя передал ей гитару.

– А что... что играть? – спросила Леля.

– А что умеешь?

– Я все аккорды знаю, поэтому могу любую песню, если ее аккорды есть в интернете, – Леля положила на колено телефон.

Все молчали. Леля расстроилась, что толку от ее порыва не будет. Какое унижение! Она загадала, что если через минуту никто не подаст голос, то она просто встанет и уйдет. А вот Сонечка бы наверняка поддержала, помогла.

– Давай «ДДТ», – предложил Илья. – Никто не против? – спросил он, оглядев всех.

Ребята покачали головами.

– Только я пою плохо, – сказала Леля. – Вы подпевайте, ладно?

Ответом ей было молчание. Собрав все силы в кулак, Леля стала играть.

– «Что такое осень – это небо», – начала она. Никто не подхватил. Леля ненавидела петь. Она знала, что у нее непоставленный голос, сосредоточившийся в связках, а не в груди, из-за чего иногда он кажется визгливым. Леля покрасне-

ла от необходимости петь дальше. Вдруг зазвучал звонкий громкий голос рядом. Это директор, с улыбкой похлопывая в такт, подхватил песню. Леля немного успокоилась: Сергей Никитич тоже пел плохо и совсем не попадал в ноты.

Вспорхнула птица где-то неподалеку.

Послышались тихие девчачьи голоса. Запел и мальчик, который сидел рядом с Лелей, она слышала его хрипотцу.

Когда закончилась песня, все ненадолго замолчали. Леля подняла глаза от грифа гитары и посмотрела сначала на директора, довольного своей выходкой, потом – на одноклассников.

– Какую еще песню сыграть? – спросила она с улыбкой.

– О, Федь, а у тебя конкурент появился, – сказала Аля, девочка с длинной косой, как у царевен в старых мультфильмах.

– Да пожалуйста, – беззлобно отозвался Федя, – с пятого класса вас гитарой этой развлекаю. Задолбался уже тренировать.

Все посмеялись.

Попели еще минут пятнадцать и стали собираться домой – подул пробирающий до костей ветер, и даже чай в термосе не спасал. Леля помогала собрать весь мусор в пакет, который держала Аля.

– Слушай, – спросила Леля, чувствуя, что сейчас ей уже ответят без злости, – а где Соня, не знаешь? Заболела?

– Сонечка? – отозвалась Аля. – А она на такие пикники

никогда не ходит. Ей мать денег не дает, а просто так, не скидываясь, ей стыдно.

– Да? Надо же...

Распрощались все около первой же остановки, решив, что глупо возвращаться к школе. Леля хотела вызвать такси или позвонить папе, но Аля, перекинув косу на другое плечо, спросила у Лели, в какой стороне она живет. Оказалось, им по пути. Домой пошли вместе, не торопясь.

Каркали вороны над их головами и садились на голые ветки берез.

12

В понедельник встать в школу, на удивление, было легче, чем обычно. Леля не лежала до последнего в кровати, надеясь, что получится спрятаться от беспощадно надвигающегося учебного дня, а напротив, бодро подскочила и, пританцовывая, умылась.

– Доброе утро, тетя Таня, – сказала Леля, спустившись в столовую. Прямо посередине комнаты спал Филя, и тетя Таня, готовя завтрак, осторожно всякий раз через него переступала.

– Доброе, Лелечка, доброе, девочка моя! Папа твой уже убежал, так я хоть тебя покормлю.

Леля тыкнула в экран телефона и посмотрела на часы.

– В полвосьмого? Рано он сегодня.

– Да, – зачем-то шепотом сказала тетя Таня, – я из разговоров поняла только то, что на заводе ситуация какая-то сложная. Ты слышала, что производство хотят поближе к Москве переносить? А тут, говорят, только маленькую часть заказов оставят. Ой, что будет, что будет...

– Так завод же здесь – градообразующее предприятие.

– Ой, Лелька, не поймут люди! Что ни делай, как ни пытайся сохранить рабочие места, а все равно и сокращения будут, и зарплаты урежут. Ой, разозлятся заводчане, что будет!.. – покачала головой тетя Таня.

Леля вдруг с тревогой вспомнила, как папа спрашивал, нет ли у нее проблем в школе из-за его работы. Вот, наверное, где истоки этого вопроса...

В класс Леля зашла задумчивая, и когда Аля ее окликнула с первой парты, Леля вздрогнула.

– Что? – спросила она рассеянно.

– Привет, говорю.

– Да, привет, – Леля улыбнулась.

Пока она шла к своей любимой последней парте третьего ряда, с ней поздоровались еще четверо.

Маша, заметив Лелю, громко сказала:

– Думаешь, спела пару песенок и все? А я твою дрянную натуру все равно вижу!

Но Машины слова Лелю не волновали. Один человек из двадцати – это мелочь.

Во время обеденного перерыва, который Леля привыкла

проводить в одиночестве, Аля помахала ей и предложила сесть с их компанией. Девочки были разными. У Али толстая длинная коса, у Леры строгое каре по мочки ушей и красный маникюр, у Кати – рыжие упругие кудри.

– Спасибо, что пригласили сесть с вами, – улыбнулась Леля.

Леля сделала глоток сладкого чая.

– Лель, – неуверенно начала Катя, теребя завиток волос.

– Да?

– Ты не подумай, что мы тебя со злым умыслом позвали, чтобы что-то выведать, совсем нет, но я просто волнуюсь, а ты можешь знать...

Леля забеспокоилась.

– Что?

– Хватит сопли жевать, Кать, – твердо сказала Лера, – надо смотреть страху в глаза. Лучше четко знать и быть ко всему готовыми.

– Да, – тихо согласилась Катя, наматывая кудрявую прядь на палец, – в общем, ты не знаешь случайно о том, что правительство хочет прикрыть завод? Я вчера слышала, что родители переживали из-за ипотеки. Мы как раз в квартиру побольше переехали, у меня комната своя появилась... Ты не знаешь чего?

Леля задумалась. То, что утром сказала ей тетя Таня, ведь просто слухи, домыслы. Стоит ли из-за них беспокоить девочек?

– Девочки, – помедлив начала Леля. Она говорила небыстро, боясь сболтнуть лишнего и неправильного, – папа мне ничего такого не говорил. И я думаю, что нет смысла назначать нового директора с целью увеличить показатели, чтобы потом просто прикрыть лавочку.

– Да, надеюсь, что так, – вздохнула Катя.

Леля видела, что легче ей от ее слов не стало и добавила:

– Ты знаешь, мой папа хороший и умный человек. Я думаю, что он в любом случае будет стараться все решить выгодным для всех путем.

– Да кого вы слушаете! – раздался звонкий насмешливый голос рядом. Это Маша, сидевшая за соседним столом, повернулась к ним. – Хороший человек, – передразнила она. – Да обычный он директор, которому наплевать на работников. Меньше всего его волнуют ваши семейные неурядицы. Если у него будет задача сократить, он сократит. Лишь бы самому места не лишиться. Мы живем в рыночных отношениях, девочки, всем наплевать на ипотеки ваших родителей и на то, что зарплаты хватает только на продукты. Смирись!

Катя совсем расстроилась. Леля не знала, что сказать. Розовых очков она была лишена и понимала, что папа не волшебник и не Робин Гуд. Он действительно мыслит показателями эффективности и действительно будет руководствоваться логикой и здравым смыслом, а не жалостью.

– Ну и зачем ты это сказала? – разозлилась Лера на Ма-

шу. – Смотри, ты Катю почти до слез довела.

– А это просто правда.

– А правду можно и при себе оставить, если тебя о ней не спрашивали.

– И что рыночные отношения, – негромко добавила Аля, – человечность же никто не отменял. Все понимают, что у нас город просто умрет без завода. И куда людям деться? Не могут так поступить с нами. И ведь Леля своего папу лучше знает. Если она говорит, что он хороший человек, значит, действительно постарается все по-доброму решить. Да, Лель?

Леля кивнула, чувствуя, что дала какое-то очень важное обещание, сдержать которое не в ее власти.

– Ну увидите, как все в итоге получится, – с особой злобой, которая приносила ей удовольствие, сказала Маша и отвернулась.

Она только напоказ была такой бодрой и веселой, на самом же деле, будучи по натуре смелой реалисткой, она понимала, что грядут трудные времена, и всю ночь промучилась, пытаясь просчитать, сколько она сумеет сэкономить, если не будет обедать в школе, и сколько заработает, если устроится бариста по выходным. Она набрала достаточно баллов на региональном этапе олимпиады, чтобы ехать на Всеросс. Теперь нужно было серьезно и много готовиться с репетитором. Но очевидно, если папу или маму сократят, им придется трудно, и родители, которые никогда не ценили высшее образование, считая его скорее привилегией, чем правом, с

легкостью уберут из статьи расходов подготовку к олимпиаде.

Девочки стали говорить о домашнем задании, а Леля осталась сидеть задумчивая. Она хотела обо всем расспросить папу вечером, но в тот день он задерживался на работе допоздна, что еще больше встревожило Лелю. Не зная, куда деться от странных беспокойных чувств, Леля взяла Филю и отправилась с ним гулять по набережной.

Температура стояла плюсовая, но слякоть ощущалась холоднее, чем зимний мороз. Леля шла и натягивала на руки без перчаток рукава свитера. Филя медленно топал рядом, покачивая седой мордой и тяжело вздыхая.

Леля остановилась на секунду и глубоко вдохнула ноябрьский воздух. Когда же уже пойдет снег? Сколько можно, в конце концов!

Вдруг прямо под теплым светом фонаря Леля увидела женщину в черном пальто. Она, сгорбившись, держалась за фонарный столб. Первое, что с раздражением подумала Леля, – пьяница. А потом что-то, наверное, смелость, которую Леля обретала, когда рядом с ней был большой сенбернар Филя, заставило ее приглядеться. Женщина держала руку на выпуклом животе.

Людей на набережной не было, сложно было перекинуть все на плечи какого-нибудь сознательного взрослого, который мог бы помочь ей, поэтому Леля спросила издали:

– С вами все в порядке?

Женщина вскинула голову и прищурилась, пытаясь разглядеть, кто к ней обращается.

– Все хорошо, спасибо, – ответила она со вздохом, – просто ребенок пинается и слабость накатила...

– Хотите, я помогу вам дойти до скамейки?

– О, это было бы... – Женщина покосилась на Филю, голова которого доходила миниатюрной Леле до талии.

– Он не кусается, если не требуется, – беспечно ответила Леля и, быстро подойдя к женщине, взяла ее под локоть.

Осторожно и медленно они направились к скамейке. Леля удивилась, с какой силой женщина опирается на ее руку, видимо, действительно тяжело идти.

– Ты очень милая, спасибо, – сказала она, со вздохом опускаясь на холодную мокрую скамейку.

– А как вы доберетесь домой?

– Я позвонила сыну, он встретит меня... Ты не беспокойся, я посижу тут. Он скоро придет. Мы живем неподалеку.

– Если хотите, я могу подождать с вами.

– Честно, хочу. Я боюсь отключиться. Ты не переживай, сын потом проведит тебя до дома.

Подозрительность, которую Леля приобрела от отца, не позволяла ей расслабиться. Возможно, эта женщина просто приманка для сердобольных личностей? Как щенок в машине приманка для детей. Леля садиться рядом не стала. Встала спиной к пруду, оперевшись на ограждение, и подозвала к себе Филю.

– Как тебя зовут? – спросила женщина.

– Леля.

– Это от какого имени сокращение?

– От Ольги, от какого еще.

– От Лены еще может быть, Алены... Кстати, меня Алена зовут. Алена Александровна.

Леля кивнула.

– Какой у тебя пес большой, – сказала женщина, с усталой улыбкой оглядывая Филю, – а глаза добрые... Он старенький?

– Да.

– Видно. У меня тоже собака была, спаниелька. Вроде бодренькая, а глаза все равно старость выдают. Прожитая жизнь в них все-таки отражается, даже собакам от этого никуда не деться. Можно? – Алена Александровна протянула руку к Филе и замерла, дожидаясь разрешения Лели.

– Можно. Он злится, только если кто-то опасность представляет: собака там или человек злой... А так добряк, поэтому чешите смелее... Вы подзовите, он подойдет.

Несколько минут они провели в тишине. Алена Александровна гладила Филю, который воспитанно принимал ласку, а Леля тихонечко скользила глазами по лицу женщины. И хоть свет от фонаря до скамейки доходил едва-едва, все-таки кое-что Леля разглядела. Женщине было за тридцать, из-под шапки выглядывали светлые волосы, а около правого уголка губ была тоненькая складочка, будто от улыбки.

Около них кто-то остановился:

– Мам, все в порядке?

Леле голос показался знакомым. Она подняла глаза и увидела запыхавшегося Илью. Это, ей подумалось, первый раз, когда она видит его взволнованным, а не сдержанным. Через секунду, получив от мамы заверения, что она в порядке благодаря этой милой девушке (взмах в сторону Лели), Илья перевел взгляд на нее.

– Привет, – сказал он растерянно.

– Привет, да.

Леля отступила подальше от фонаря, чтобы он не мог рассмотреть ее лицо без макияжа.

Они молчали, казалось, вечность.

– Спасибо за то, что помогла, не прошла мимо.

– А вы знакомы, получается? – спросил Алена Александровна.

– Она новенькая у нас.

– Да? Надо же, а я ее совсем другой представляла.

Леле стало обидно: она догадывалась, что именно Илья мог наговорить про нее в семье.

– Мам, можешь идти? – спохватился Илья. – Давай я помогу встать.

– Всего хорошего, – Леля направилась в сторону дома.

– Подожди, – сказала женщина, – как я тебя одну отпущу? Пойдем с нами, Илюша тебя потом проводит. Мы же живем рядом, вот наш дом! – И она показала на многоэтажку через

дорогу.

Леля помотала головой:

– Да не нужно, я тоже живу недалеко. И я с Филей.

– И все-таки мне так будет спокойнее.

Леля хотела снова отказаться, но увидела, как Алена Александровна положила руку на живот и поджала губы, видимо, стараясь собраться с силами, чтобы дойти до дома, и решила не гнуть свою линию:

– Хорошо, давайте я возьму вас под другую руку.

Если добежать от набережной до многоэтажки через дорогу можно было за пять минут, то с мамой Ильи это заняло не меньше получаса. Она шла очень медленно, едва передвигая ногами из-за слабости, и часто просила остановиться, чтобы передохнуть. Когда они наконец дошли до подъезда, Илья зашел в дом, чтобы помочь маме попасть в квартиру, а Леля осталась стоять внизу, перепрыгивая с ноги на ногу от пробирающего до костей слякотного холодного ветра. Филей ткнулся ей носом в ногу, как бы спрашивая, сколько можно круги наматывать. Леля наклонилась к нему и почесала за ушком, когда краем глаза увидела, как двери подъезда открылись и вышел Илья.

– Можем идти, – так же спокойно, как и обычно, сказал он, а потом с интересом посмотрел на Филю: – Можно его погладить?

– Можно.

Илья присел на корточки, задев локтем колени Лели, от-

чего она смутилась, и с улыбкой потрепал собаку по макушке.

До Лелиного дома шли молча. Леля, пряча ненакрашенное лицо, смотрела в основном под ноги, а Илья, непонятно почему, – в небо. Пока добрались, молчание вымотало ее больше, чем долгая и веселая вечеринка. Илья повернулся к Леле и внимательно взгляделся в ее лицо. Леле захотелось съежиться: без косметики она чувствовала себя слишком уязвимой.

– Я тебя сначала не узнал на набережной, – сказал он, – какая-то ты другая.

– Какая?

Илья пожал плечами и снова отвернулся.

– Спасибо, что проводил. Видишь, я не всегда грублю.

Илья кивнул, думая о своем. Леля постояла немного рядом с ним и, дав знак Филе, направилась к дому. У двери ей захотелось обернуться и еще раз оглядеть Илью, чтобы убедиться, что он не мираж и не призрак, что вот такой, каким она узнала его сегодня, он настоящий, но она не стала, боясь, что он заметит ее порыв.

13

Утром Леля проснулась, чувствуя в себе решимость поговорить с отцом о ситуации на заводе, но, когда она вышла из комнаты, Андрей Петрович уже накидывал пальто в при-

хожей.

– Опять так рано?.. – расстроилась Леля.

– Работа, – коротко ответил папа.

– А если я завтракать не буду, ты меня подкинешь?

Андрей Петрович бросил взгляд на часы и кивнул:

– Быстрее.

В прихожей появилась тетя Таня в переднике.

– Как это завтракать не будешь! Для кого я готовлю, дорогие мои? Андрей? Леля!

Андрей Петрович раздраженно вздохнул и вышел из дома.

– Ну вот, – расстроилась тетя Таня.

– Извините нас, – стараясь скрыть раздражение из-за лишней суеты тети Тани, сказала Леля, всовывая ноги в ботинки.

В машине папа долго говорил по телефону со своим замом, поэтому Леля не могла ни о чем спросить, хотя уже из того, что слышала, кое-что начинала понимать. До школы они доехали быстрее, чем разговор закончился, и Леля, не решаясь отвлекать заведенного и уставшего уже с утра папу, вышла из машины.

На ступеньках, как и всегда, она заметила одноклассников. Леля помахала Але, а та в ответ – нет. Наверное, не увидела. Чем ближе Леля подходила к ребятам, тем отчетливее видела цепкие, колючие взгляды не только своих одноклассников, но и некоторых других школьников, с которыми никогда не была знакома.

В кармане брякнул телефон. Леля достала его и опустила глаза в экран. Мама что-то написала. Леля как раз хотела прочитать, когда кто-то так мотнул ее ладонь, что телефон с громким треском приземлился прямо на асфальт экраном вниз.

Леля подняла голову в изумлении. Перед ней стояла Лера. Четкий и острый срез ее каре трепал ветер. Лера смотрела с такой искренней злобой, что даже не верилось, что такая может уместиться внутри шестнадцатилетней девочки. За ней стояла Маша. А еще чуть дальше заплаканная Катя была окружена другими ребятами. Леля не увидела среди них Илью, хотя не могла себе объяснить, зачем искала его.

– Катиного отца и еще десять человек вчера сократили, – сказала Лера. – Где им теперь тут работу искать? До того как твоего отца назначили, у нас все было – она сделала шаг вперед, наступив на телефон грязным мокрым ботинком, – нормально. А он все разваливает.

– Завод государственный, – сказала Леля, – папа только выполняет свою работу.

– До него все было хорошо.

– Это жизнь, так бывает. Никто не обязан с нежностью относиться к чувствам работников. Каждый должен уметь сам о себе позаботиться.

Лера хохотнула:

– Ну ты и тварь! А какие речи на обеде задвигала: «Папа добрый и хороший, он сделает выгодно для всех».

И вдруг она плюнула Леле прямо в лицо и ушла, а за ней Маша, которая ничего не сказала только потому, что Лера сумела выразить все ее чувства. Опешившая сначала от неожиданности, а потом от бурлящей злобы, которая сковала все движения, Леля наблюдала за тем, как одноклассники заходят в школу, молчаливо поддерживая Леру.

Трясаясь от ненависти и унижения, Леля присела, чтобы поднять телефон. Экран, как лед на луже, треснул даже под защитным стеклом. Но, удивительно, телефон все еще работал. Хотя, наверное, отметила Леля, будет теперь тормозить. Папе она ничего не расскажет, решила Леля. Почему-то было стыдно.

Щеке стало щекотно, будто по ней капелька покатилась. Леля вспомнила, что Лера в нее плюнула. Наверное, слюна... Леля поспешно полезла в сумку, ища салфетки.

– Держи, – услышала она тихий голос.

Сонечка стояла около нее и протягивала детский тканевый носовой платок, на нем были вышиты птички с большими добрыми глазами, похожими на Сонечкины.

– Ты видела? – спросила Леля, поспешно стирая со щеки слюну.

– Только конец. Как раз в школьные ворота вошла. Из-за чего они так? Мне рассказывали, что после похода в лес у вас все наладилось.

Леля молчала. Ей стало страшно рассказывать: вдруг Сонечка тоже отвернется от нее и войдет в школу, не сказав ни

слова. И платок заберет.

– На заводе сокращения, Катин отец работу потерял, – все-таки сказала Леля.

– Бедный, – вздохнула Сонечка. – У нас тут сложно найти работу, на которой платили бы нормально. Если хочешь, пойдем ко мне? У меня дома, конечно, не очень красиво, но чай мы с мамой любим пить хороший. Хочешь?

Леля кивнула, не имея сил говорить. Появиться в школе она сейчас не может. Дрожь не проходила.

До Сонечкиного дома добрались быстро: как раз пришел нужный автобус. Квартирка была маленькая, однокомнатная, со старым ремонтом. Где-то около пола были порваны обои («Это кошечка наша все ободрала», – смутившись, объяснила Сонечка), вся мебель потерлась, в ванной откололась плитка в некоторых местах, а на кухне с трудом могли поместиться двое: второй сидел почти в проходе.

– Ты какой чай любишь? – спросила Сонечка.

– Любой, хотя лучше черный.

– Очень вкусный черный, тут бергамот, базилик, мята, мелисса. Мы сушили травы летом.

Сонечка старательно промыла кружку для Лели, расстраиваясь, что чайный налет никак не оттирается. Ей было мучительно стыдно за такую плохонькую квартиру и бедную обстановку. Но почему хотя бы кружки не могут быть хорошие, чистые!

– Извини, тут от чая налет... Но я хорошо ее помыла, это

не грязь, – сказала Сонечка тихо, наливая Леле в кружку кипяток.

– Спасибо.

– Бери вафельки. Они очень вкусные.

– Ты не боишься уроки прогулять?

– Первый английский, ничего страшного. А вот на второй, литературу, придется идти. Сергей Никитич прогулы на тормозах не спускает.

– Я не понимаю, почему они винят меня. Я ни в чем не виновата, – сказала Леля, закрыв лицо ладонями.

Сонечка вздохнула.

– Эта злость не от счастливой жизни. Как-то я хотела купить себе новый свитер, – помедлив, сказала она, – пошла в магазин, а они там столько стоят... Ух! Я вышла злая и расстроенная. Мне казалось, что все так нечестно, несправедливо. Почему кто-то может купить пять таких, а я ни одного. Зашла в продуктовый за шоколадкой, а когда вышла на улицу и откусила от нее дольку, мне нагрубил очень плохо одетый мужчина. Наверное, бомж, потому что он не мог купить эту шоколадку и очень злился, но не на меня, я это поняла. Это была такая большая обида за себя...

Леля убрала ладони с лица и посмотрела на Сонечку.

– Они чего-то хотят от меня, – сказала она, – а я не могу ничего сделать. Ну вот скажи, разве я могу повлиять в этой ситуации хоть на что-то? Или помочь? Что мне, отца умолять не увольнять людей? Смешно. В самом деле смешно.

Ведь то, что происходит сейчас на заводе, это все давно решено где-то высоко над нашими головами.

– Да, – согласилась Сонечка, – ребятам и их родителям просто очень больно и страшно. Мы нашли нашу кошку со сломанной лапкой. Она так остервенело кусала нас, пока мы несли ее к ветеринару...

– И что, терпеть, когда мне в лицо плюют? Я не могу... Меня такая злость берет!

Сонечка помолчала. Леля отпила чаю. Зашумел холодильник. В квартире что-то щелкнуло.

– Я тебе кое-что скажу, – начала Сонечка, – но ты, пожалуйста, не смейся. Я много обо всем думала и кое к чему пришла. Моя бабушка, она уже умерла, но раньше постоянно таскала меня в церковь. Бабушка очень верила. И Библию мне читала. Я помню, меня так возмущало, что нужно подставить вторую щеку и любить ближнего. Я никак не могла понять, как мне любить папу, если мы с ним постоянно сталкиваемся в магазине, а он делает вид, что не знает меня, и уходит к другой жене и детям. Или как любить маму, когда она только злится на меня, что бы я ни сказала, и непонятно почему, за что... Наверное, за то, что я родилась. Я много думала. Все сопротивлялась. А потом вывела для себя мысль, которая меня очень греет и, не знаю, придает смысл жизни, что ли... Я сама не очень религиозная, но я все-таки верю в добро и любовь. И добро, оно всегда из любви идет. Такой, знаешь, большой человеческой любви к живому. А

щеку вторую надо подставить, потому что, когда не отвечаешь ударом на удар, ты прерываешь круг зла. Цепочка обрывается, и зло дальше не идет. Ты не передаешь его другим. И вот это любовь. И вот это доброта. Я не знаю, понятно ли говорю... Понимаешь, для меня-то эта мысль ясная, я ее со всех сторон уже обдумала. Может, она мне притерлась и я уже чего-то в ней не вижу. Но я так живу – я обрываю зло. Не уничтожаю (это все-таки бесполезно), а именно не даю продолжения. – Пока Сонечка говорила, сквозь тучи просочился тоненький луч солнца и осветил ее правую щеку. – Как тебе чай? Правда, вкусный?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.